

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Пёрышко Финиста ясна сокола

Жил-был старик, у него было три дочери: большая и средняя – щеголихи, а меньшая только о хозяйстве радела. Сбирается отец в город и спрашивает у своих дочерей: которой что купить? Большая просит: «Купи мне на платье!» И средняя то ж говорит. «А тебе что, дочь моя любимая?» – спрашивает у меньшей. «Купи мне, батюшка, перышко Финиста ясна сокола». Отец простился с ними и уехал в город; большим дочерям купил на платье, а перышка Финиста ясна сокола нигде не нашел. Воротился домой, старшую и среднюю дочерей обновами обрадовал. «А тебе, – говорит меньшей, – не нашел перышка Финиста ясна сокола». – «Так и быть, – сказала она, – может, в другой раз посчастливится найти». Большие сестры кроят да обновы себе шьют, да над нею посмеиваются; а она знай отмалчивается. Опять собирается отец в город и спрашивает: «Ну, дочки, что вам купить?» Большая и средняя просят по платку купить, а меньшая говорит: «Купи мне, батюшка, перышко Финиста ясна сокола». Отец поехал в город, купил два платка, а перышка и в глаза не видал. Воротился назад и говорит: «Ах, дочка, ведь я опять не

нашел перышка Финиста ясна сокола!» – «Ничего, батюшка; может, в иное время посчастливится».

Вот и в третий раз собирается отец в город и спрашивает: «Сказывайте, дочки, что вам купить?» Большие говорят: «Купи нам серьги», а меньшая опять свое: «Купи мне перышко Финиста ясна сокола». Отец искупил золотые серьги, бросился искать перышка – никто такого не ведает; опечалился и поехал из городу. Только за заставу, а навстречу ему старичок несет коробочку. «Что несешь, старина?» – «Перышко Финиста ясна сокола». – «Что за него просишь?» – «Давай тысячу». Отец заплатил деньги и поскакал домой с коробочкой. Встречают его дочери. «Ну, дочь моя любимая, – говорит он меньшей, – наконец и тебе купил подарок; на, возьми!» Меньшая дочь чуть не прыгнула от радости, взяла коробочку, стала ее целовать-миловать, крепко к сердцу прижимать.

После ужина разошлись все спать по своим светелкам; пришла и она в свою горницу, открыла коробочку – перышко Финиста ясна сокола тотчас вылетело, ударилось об пол, и явился перед девицей прекрасный царевич. Повели они меж собой речи сладкие, хорошие. Услыхали сестры и спрашивают: «С кем это, сестрица, ты разговариваешь?» – «Сама с собой», – отвечает красна девица. «А ну, отопрись!» Царевич ударился об пол – и сделался перышком; она взяла, положила перышко в коробочку и отворила дверь. Сестры и туда смотрят и сюда заглядывают – нет никого! Только они ушли, красная девица открыла окно, достала перышко и говорит: «Полетай, мое перышко, во чисто поле; погуляй до поры до времени!» Перышко обратилось ясным соколом и улетело в чистое поле.

На другую ночь прилетает Финист ясный сокол к своей девице; пошли у них разговоры веселые. Сестры услыхали и сейчас к отцу побежали: «Батюшка! У нашей сестры кто-то по ночам бывает; и теперь сидит да с нею разговаривает». Отец встал и пошел к меньшей дочери, входит в ее горницу, а царевич уж давно обратился перышком и лежит в коробочке. «Ах вы, негодные! – накинулся отец на своих больших дочерей. – Что вы на нее

понапрасну взводите? Лучше бы за собой присматривали!»

На другой день сестры поднялись на хитрости: вечером, когда на дворе совсем стемнело, подставили лестницу, набрали острых ножей да иголок и натыкали на окне красной девицы.

Ночью прилетел Финист ясный сокол, бился-бился – не мог попасть в горницу, только крылышки себе обрезал. «Прощай, красна девица! – сказал он. – Если вздумаешь искать меня, то ищи за тридевять земель, в тридесятом царстве. Прежде три пары башмаков железных истопчешь, три посоха чугунных изломаешь, три просвиры каменных изгложешь, чем найдешь меня, добра молодца!» А девица спит себе: хоть и слышит сквозь сон эти речи неприветливые, а встать-пробудиться не может.

Утром просыпается, смотрит – на окне ножи да иглы натыканы, а с них кровь так и капает. Всплеснула руками: «Ах, боже мой! Знать, сестрицы сгубили моего друга милого!» В тот же час собралась и ушла из дому. Побежала в кузницу, сковала себе три пары башмаков железных да три посоха чугунных, запаслась тремя каменными просвирами и пустилась в дорогу искать Финиста ясна сокола.

Шла-шла, пару башмаков истоптала, чугунный посох изломала и каменную просвиру изглодала: приходит к избушке и стучится: «Хозяин с хозяйшкой! Укройте от темных ночи». Отвечает старушка: «Милости просим, красная девица! Куда идешь, голубушка?» – «Ах, бабушка! Ищу Финиста ясна сокола». – «Ну, красна девица, далеко ж тебе искать будет!» Наутро говорит старуха: «Ступай теперь к моей средней сестре, она тебя добру научит; а вот тебе мой подарок: серебряное донце, золотое веретенце; станешь кудель прясть – золотая нитка потянется». Потом взяла клубочек, покатила по дороге и наказала вслед за ним идти, куда клубочек покатится, туда и путь держи! Девица поблагодарила старуху и пошла за клубочком.

Долго ли, коротко ли, другая пара башмаков изношена, другой посох изломан, еще каменная просвира изглодана; наконец

прикатился клубочек к избушке. Она постучалась: «Добрые хозяева! Укройте от темной ночи красну девицу». – «Милости просим! – отвечает старушка. – Куда идешь, красная девица?» – «Ищу, бабушка, Финиста ясна сокола». – «Далеко ж тебе искать будет!» Поутру дает ей старушка серебряное блюдо и золотое яичко и посылает к своей старшей сестре: она-де знает, где найти Финиста ясна сокола!

Простилась красна девица со старухой и пошла в путь-дорогу; шла-шла, третья пара башмаков истоптана, третий посох изломан, и последняя просвира изглодана – прикатился клубочек к избушке. Стучится и говорит странница: «Добрые хозяева! Укройте от темной ночи красну девицу». Опять вышла старушка: «Поди, голубушка! Милости просим! Откудова идешь и куда путь держишь?» – «Ищу, бабушка, Финиста ясна сокола». – «Ох, трудно, трудно отыскать его! Он живет теперь в этаким-то городе, на просвирниной дочери там женился». Наутро говорит старуха красной девице: «Вот тебе подарок: золотое пялечко да иголочка; ты только пялечко держи, а иголочка сама вышивать будет. Ну, теперь ступай с богом и наймись к просвирне в работницы».

Сказано – сделано. Пришла красная девица на просвирнин двор и нанялась в работницы; дело у ней так и кипит под руками: и печку топит, и воду носит, и обед готовит. Просвирня смотрит да радуется. «Слава богу! – говорит своей дочке. – Нажили себе работницу и услужливую и добрую: без наряду все делает!» А красная девица, покончив с хозяйскими работами, взяла серебряное донце, золотое веретенце и села прясть: прядет – из кудели нитка тянется, нитка не простая, а чистого золота. Увидала это просвирнина дочь: «Ах, красная девица! Не продашь ли мне свою забаву?» – «Пожалуй, продам!» – «А какая цена?» – «Позволь с твоим мужем ночь перебыть». Просвирнина дочь согласилась. «Не беда! – думает. – Ведь мужа можно сонным зельем опоить, а чрез это веретенце мы с матушкой озолотимся!»

А Финиста ясна сокола дома не было; целый день гулял по поднебесью, только к вечеру воротился. Сели ужинать; красная

девица подает на стол кушанья да все на него смотрит, а он, добрый молодец, и не узнает ее. Просвирнина дочь подмешала Финисту ясну соколу сонного зелья в питье, уложила его спать и говорит работнице: «Ступай к нему в горницу да мух отгоняй!» Вот красная девица отгоняет мух, а сама слезно плачет: «Проснись-пробудись, Финист ясный сокол! Я, красна девица, к тебе пришла; три чугунных посоха изломала, три пары башмаков железных истоптала, три просвиры каменных изглодала да все тебя, милого, искала!» А Финист спит, ничего не чувствует; так и ночь прошла.

На другой день работница взяла серебряное блюдечко и катает по нем золотым яичком: много золотых яиц накатала! Увидала просвирнина дочь. «Продай, – говорит, – мне свою забаву!» – «Пожалуй, купи». – «А как цена?» – «Позволь с твоим мужем еще единую ночь перебыть». – «Хорошо, я согласна!» А Финист ясный сокол опять целый день гулял по поднебесью, домой прилетел только к вечеру. Сели ужинать, красная девица подает кушанья да все на него смотрит, а он словно никогда и не знал ее. Опять просвирнина дочь опоила его сонным зельем, уложила спать и послала работницу мух отгонять. И на этот раз, как ни плакала, как ни будила его красная девица, он проспал до утра и ничего не слышал.

На третий день сидит красная девица, держит в руках золотое пялечко, а иголочка сама вышивает – да такие узоры чудные! Загляделась просвирнина дочка. «Продай, красная девица, продай, – говорит, – мне свою забаву!» – «Пожалуй, купи!» – «А как цена?» – «Позволь с твоим мужем третью ночь перебыть». – «Хорошо, я согласна!» Вечером прилетел Финист ясный сокол; жена опоила его сонным зельем, уложила спать и посылает работницу мух отгонять. Вот красная девица мух отгоняет, а сама слезно причитывает: «Проснись-пробудись, Финист ясный сокол! Я, красна девица, к тебе пришла; три чугунных посоха изломала, три пары железных башмаков истоптала, три каменных просвиры изглодала – все тебя, милого, искала!» А Финист ясный сокол крепко спит, ничего не чувствует.

Долго она плакала, долго будила его; вдруг упала ему на щеку слеза красной девицы, и он в ту ж минуту проснулся: «Ах, – говорит, – что-то меня обожгло!» – «Финист ясный сокол! – отвечает ему девица. – Я к тебе пришла; три чугунных посоха изломала, три пары железных башмаков истоптала, три каменных просвиры изглодала – все тебя искала! Вот уж третью ночь над тобою стою, а ты спишь – не пробуждаешься, на мои слова не отзываешься!» Тут только узнал Финист ясный сокол и так обрадовался, что сказать нельзя. Сговорились и ушли от просвиры. Поутру хватилась просвирина дочь своего мужа: ни его нет, ни работницы! Стала жаловаться матери; просвирина приказала лошадей заложить и погналась в погоню. Ездил-ездила, и к трем старухам заезжала, а Финиста ясна сокола не догнала: его и следов давно не видать!

Очутился Финист ясный сокол со своею суженой возле ее дома родительского; ударился о сыру землю и сделался перышком: красная девица взяла его, спрятала за пазушку и пришла к отцу. «Ах, дочь моя любимая! Я думал, что тебя и на свете нет; где была так долго?» – «Богу ходила молиться». А случилось это как раз около святой недели. Вот отец с старшими дочерьми собираются к заутрене. «Что ж, дочка милая, – спрашивает он меньшую, – собирайся да поедем; нынче день такой радостный». – «Батюшка, мне надеть на себя нечего». – «Надень наши уборы», – говорят старшие сестры. «Ах, сестрицы, мне ваши платья не по кости! Я лучше дома останусь».

Отец с двумя дочерьми уехал к заутрене; в те поры красная девица вынула свое перышко. Оно ударилось об пол и сделалось прекрасным царевичем. Царевич свистнул в окошко – сейчас явились и платья, и уборы, и карета золотая. Нарядились, сели в карету и поехали. Входят они в церковь, становятся впереди всех; народ дивится: какой-то царевич с царевною пожаловал? На исходе заутрени вышли они раньше всех и уехали домой; карета пропала, платьев и уборов как не бывало, а царевич обратился перышком. Воротились и отец с дочерьми. «Ах, сестрица! Вот ты с нами не ездила, а в церкви был прекрасный

царевич с ненаглядной царевною». – «Ничего, сестрицы! Вы мне рассказали – все равно что сама была». На другой день опять то же; а на третий, как стал царевич с красной девицей в карету садиться, отец вышел из церкви и своими глазами видел, что карета к его дому подъехала и пропала. Воротился отец и стал меньшую дочку допрашивать; она и говорит: «Нечего делать, надо признаться!» Вынула перышко; перышко ударилось об пол и обернулся царевичем. Тут их и обвенчали, и свадьба была богатая! На той свадьбе и я был, вино пил, по усам текло, во рту не было. Надели на меня колпак да и ну толкать; надели на меня кузов: «Ты, детинушка, не гузай^[1], убирайся-ка поскорей со двора».

---

[1] – Не мешкай.

(Голосов: **10**. Рейтинг: **4,00** из 5)

Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Царь-девица

В некотором царстве, в некотором государстве был купец; жена у него померла, остался один сын Иван. К этому сыну приставил он дядьку, а сам через некоторое время женился на другой жене, и как Иван купеческий сын был уже на возрасте и больно хорош собою, то мачеха и влюбилась в него. Однажды Иван купеческий сын отправился на плотике по морю охотничать с дядькою; вдруг увидели они, что плывут к ним тридцать кораблей. На тех кораблях была царь-девица с тридцатью другими девицами, своими названными сестрицами. Когда плотик сплылся с кораблями, тотчас все тридцать кораблей стали на якорях. Ивана купеческого сына вместе с дядькою позвали на самый лучший корабль; там их встретила царь-девица с тридцатью девицами, названными сестрицами, и сказала Ивану купеческому сыну, что она его крепко полюбила и приехала с ним повидаться. Тут они и обручились.

Царь-девица наказала Ивану купеческому сыну, чтобы завтра в то же самое время приезжал он на это место, распростилась с ним и отплыла в сторону. А Иван купеческий сын воротился домой, поужинал и лёг спать. Мачеха завела его дядьку в свою комнату, напоила пьяным и стала спрашивать: не было ли у них чего на охоте? Дядька ей всё рассказал. Она, выслушав, дала ему булавку и сказала:

– Завтра, как станут подплывать к вам корабли, воткни эту

булавку в одёжу Ивана купеческого сына.

Дядька обещался исполнить приказ.

□Поутру встал Иван купеческий сын и отправился на охоту. Как скоро увидал дядька плывущие вдали корабли, тотчас взял и воткнул в его одежду булабочку.

– Ах, как я спать хочу! – сказал купеческий сын. – Послушай, дядька, я покуда лягу да сосну, а как подплывут корабли, в то время, пожалуйста, разбуди меня.

– Хорошо! Отчего не разбудить?

Вот приплыли корабли и остановились на якорях; царь-девица послала за Иваном купеческим сыном, чтоб скорее к ней пожаловал; но он крепко-крепко спал. Начали его будить, тревожить, толкать, но что ни делали – не могли разбудить; так и оставили.

□Царь-девица наказала дядьке, чтобы Иван купеческий сын завтра опять сюда же приезжал, и велела подымать якоря и паруса ставить. Только отплыли корабли, дядька выдернул булабочку, и Иван купеческий сын проснулся, вскочил и стал кричать, чтоб царь-девица назад воротилась. Нет, уж она далеко, не слышит. Приехал он домой печальный, кручинный. Мачеха привела дядьку в свою комнату, напоила допьяна, повыспросила всё, что было, и приказала завтра опять воткнуть булабочку. На другой день Иван купеческий сын поехал на охоту, опять проспал всё время и не видал царь-девицы; наказала она побывать ему ещё один раз.

□На третий день собрался он с дядькою на охоту; стали подъезжать к старому месту; увидали: корабли вдали плывут, дядька тотчас воткнул булабочку, и Иван купеческий сын заснул крепким сном. Корабли приплыли, остановились на якорях; царь-девица послала за своим наречённым женихом, чтобы к ней на корабль пожаловал. Начали его будить всячески, но что ни делали – не могли разбудить. Царь-девица уведала хитрости мачехины, измену дядькину и написала к Ивану купеческому сыну,

чтобы он дядьке голову отрубил, и если любит свою невесту, то искал бы её за тридевять земель, в тридесятом царстве. Только распустили корабли паруса и поплыли в широкое море, дядька выдернул из одёжи Ивана купеческого сына булавочку, и он проснулся, начал громко кричать да звать царь-девицу; но она была далеко и ничего не слыхала. Дядька подал ему письмо от царь-девицы; Иван купеческий сын прочитал его, выхватил свою саблю острую и срубил злому дядьке голову, а сам пристал поскорее к берегу, пошёл домой, распрощался с отцом и отправился в путь-дорогу искать тридесятое царство.

□Шёл он куда глаза глядят, долго ли, коротко ли, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается, – приходит к избушке; стоит в чистом поле избушка, на куричьих голяшках^[1] повёртывается. Взošёл в избушку, а там баба-яга костяная нога.

– Фу-фу! – говорит. – Русского духу слыхом было не слыхать, видом не видать, а ныне сам пришёл. Волей али неволей, добрый молодец?

– Сколько волею, а вдвое неволею! Не знаешь ли, баба-яга, тридесятого царства?

– Нет, не ведаю! – сказала ягая и велела ему идти к своей средней сестре: та не знает ли?

□Иван купеческий сын поблагодарил её и отправился дальше; шёл, шёл, близко ли, далеко ли, долго ли, коротко ли, приходит к такой же избушке, взošёл – и тут баба-яга.

– Фу-фу! – говорит. – Русского духу слыхом было не слыхать, видом не видать, а ныне сам пришёл. Волей али неволей, добрый молодец?

– Сколько волею, а вдвое неволею! Не знаешь ли, где тридесятое царство?

– Нет, не знаю! – отвечала ягая и велела ему зайти к своей младшей сестре: та, может, и знает «Коли она на тебя

рассердится да захочет съесть тебя, ты возьми у ней три трубы и попроси поиграть на них: в первую трубу негромко играй, в другую погромче, а в третью ещё громче». Иван купеческий сын поблагодарил ягую и отправился дальше.

□Шёл-шёл, долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, наконец увидал избушку – стоит в чистом поле, на куричьих голяшках повёртывается; взошёл – и тут баба-яга.

– Фу-фу! Русского духу слыхом было не слышать, видом не видать, а ныне сам пришёл! – сказала ягая и побежала зубы точить, чтобы съесть незваного гостя.

Иван купеческий сын выпросил у ней три трубы, в первую негромко играл, в другую погромче, а в третью ещё громче. Вдруг налетели со всех сторон всякие птицы; прилетела и жар-птица.

– Садись скорей на меня, – сказала жар-птица, – и полетим, куда тебе надобно; а то баба-яга съест тебя!

Только успел сесть на неё, прибежала баба-яга, схватила жар-птицу за хвост и выдернула немало перьев.

□Жар-птица полетела с Иваном купеческим сыном; долгое время неслась она по поднебесью и прилетела, наконец, к широкому морю.

– Ну, Иван купеческий сын, тридесятое царство за этим морем лежит; перенести тебя на ту сторону я не в силах; добирайся туда, как сам знаешь!

Иван купеческий сын слез с жар-птицы, поблагодарил и пошёл по берегу.

□Шёл-шёл – стоит избушка, взошёл в неё; повстречала его старая старуха, напоила-накормила и стала спрашивать: куда идёт, зачем странствует? Он рассказал ей, что идёт в тридесятое царство, ищет царь-девицу, свою суженую.

– Ах! – сказала старушка. – Уж она тебя не любит больше; если ты попадёшься ей на глаза – царь-девица разорвёт тебя: любовь её далеко запрятана!

– Как же достать её?

– Подожди немножко! У царь-девицы живёт дочь моя и сегодня обещалась побывать ко мне; разве через неё как-нибудь узнаем.

Тут старуха обернула Ивана купеческого сына булавкою и воткнула в стену; ввечеру прилетела её дочь. Мать стала её спрашивать: не знает ли она, где любовь царь-девицы запрятана?

– Не знаю, – отозвалась дочь и обещала допытаться про то у самой царь-девицы.

На другой день она опять прилетела и сказала матери:

– На той стороне океана-моря стоит дуб, на дубу сундук, в сундуке заяц, в зайце утка, в утке яйцо, а в яйце любовь царь-девицы!

□Иван купеческий сын взял хлеба и отправился на сказанное место; нашёл дуб, снял с него сундук, из него вынул зайца, из зайца утку, из утки яйцо и воротился с яичком к старухе. Настали скоро именины старухины; позвала она к себе в гости царь-девицу с тридцатью иными девицами, её названными сестрицами; энто яичко испекла, а Ивана купеческого сына срядила по-праздничному и спрятала.

□Вдруг в полдень прилетают царь-девица и тридцать иных девиц, сели за стол, стали обедать; после обеда положила старушка всем по простому яичку, а царь-девице то самое, что Иван купеческий сын добыл. Она съела его и в ту ж минуту крепко-крепко полюбила Ивана купеческого сына. Старуха сейчас его вывела; сколько тут было радостей, сколько веселья! Уехала царь-девица вместе с женихом-купеческим сыном в своё царство; обвенчались и стали жить да быть да добро копить.

---

[1] – Голяшки – голени.

(Голосов: **10**. Рейтинг: **4,00** из 5)

Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Купленная жена

Жил-был Иван купеческий сын: промотал по смерти отца своё имение и нанялся к родному дяде в приказчики. Дядя нагрузил свои корабли товарами и поехал вместе с племянником за море – в чужестранных землях торг вести. Приплыли они к знатному столичному городу, привалили к пристани, выгрузились и начали одни товары сбывать, а другие покупать да денежки наживать. Говорит дядя племяннику:

– Вот тебе в награду сто рублей денег; ступай купи себе товару, какой полюбится. Долго прохлаждаться здесь не будем;

как покончим дело, так и домой повернём.

□Иван взял сто рублей и пошёл на рынок, ходит около лавок в раздумье, приглядывается: какой бы товар купить? Вдруг откуда ни взялся – подходит к нему старик:

– Чего, добрый человек, ищешь?

– Хочу купить на сто рублей товару.

– Давай деньги, я тебя наделю таким товаром, что ты сроду этакого не видывал.

Купеческий сын отдал ему сто рублей; старик взял деньги и говорит:

– Ступай за мною!

Приводит его на самый край города – в прекрасный сад; в том саду за золотую решёткой сидит душа-дэвица – такая красавица, что ни вздумать, ни взгадать, разве в сказке сказать.

– Вот мой товар – красная дэвица; бери её за руку и веди домой!

– Что ты, старина, этот товар мне не надобен; я и так на красных девушек всё отцовское добро промотал, да теперь закаялся.

– Ну, брат, коли тебе товар мой неугоден, так ступай с пустыми руками; нет тебе ни товару, ни денег!

Иван купеческий сын залился горькими слезами: «Что я за несчастный такой! – думает про себя. – Сто рублей задаром потерял».

Вернулся к дяде.

– Что ж, купил товару?

– Нет, дядюшка! На сто рублей не укупишь.

– Ну вот тебе ещё сотня.

□На другой день пошёл Иван на рынок, попадается ему навстречу тот же самый старик:

– Здравствуй, добрый человек!

– Здравствуй, божий старичок! – отвечает Иван; смотрит старику прямо в глаза, а признать его не может.

Что вчера было, то и теперь случилось; пропала у Ивана и другая сотня. На третий день получил он от дяди ещё сотню и опять повстречал старика; старик взял с него деньги, привёл к золотой решётке:

– Вот, – говорит, – мой товар – красная дёвица; бери её за руку и веди домой!

□Купеческий сын подумал-подумал: «Знать, судьба моя такова!» – взял дёвицу и повёл с собою. Спрашивает её дорогою:

– Скажись, красная дёвица, ты какого рода, какого племени?

– Я королевская дочь, а зовут меня Настасья Прекрасная; назад тому десять лет выпросилась я у батюшки, у матушки и пошла погулять на реку; увидела на воде лодочку хорошо приукрашенную, захотела на ней покататься, и только села в лодочку – как она поплыла, да так шибко, что в пять минут совсем берега пропали; принесло меня волной к зелёному саду, посадил меня старик за золотую решётку, и жила я там, пока ты меня выкупил.

– Как же я теперь покажусь дяде? – спрашивает Иван купеческий сын. – Триста рублей истратил, а товару не купил.

– Ничего, это дело поправное! – отвечала Настасья Прекрасная.

– Наймём прежде всего квартиру.

□Наняли квартиру, она уложила его спать, а сама за работу села и вышила чудный ковёр; поутру будит купеческого сына:

– На, – говорит, – ковёр! Неси на рынок; коли кто станет покупать, ты денег не бери, а проси, чтоб напоил тебя допьяна.

Иван купеческий сын так и сделал, напился допьяна, вышел из кабака и упал в грязную лужу; собралось много всякого народу, смотрят на него да смеются:

– Хорош молодец! Хоть сейчас под венец веди!

– Хорош – нехорош, а велю – Настасья Прекрасная меня в маковку поцелует.

– Не больно хвастайся! – говорит богатый купец. – Она на тебя и взглянуть не захочет – вишь ты какой захлюстанный^[1]!

Начали спорить; купец говорит:

– Давай об заклад биться – хочешь на десять тысяч?

– Есть из чего хлопотать! Коли биться, так на всё имение.

– Ну, пожалуй, на всё имение!

Только порешили это дело, глядь – идёт Настасья Прекрасная, подняла купеческого сына за руку, поцеловала в самую маковку, обтерла-обчистила и повела домой.

□Выиграл Иван у того купца и лавки с товарами и подвалы с самоцветными камнями; первый богач сделался. Говорит ему Настасья Прекрасная:

– Беги – созывай кирпичников да заказывай работу; пусть скорёхонько кирпичи готовят, внутрь каждого кирпича самоцветные камни заделывают.

Сказано – сделано. На много возов уложил Иван купеческий сын те кирпичи, покрыл рогожами и повёз к своему дяде на корабль.

– Здравствуй, племянник! Где был-пропадал? Какого добра накупил?

– Да вот кирпичу привёз.

– Эх ты, голова! Этого товару и в нашем царстве довольно. Какой с него барыш будет?

– Бог милостив! Авось что-нибудь перепадёт и мне на бедность.

– Ну, вали на корабль!

Иван тотчас свалил весь свой товар, съездил за Настасьей Прекрасною и её на корабль доставил. Дядя увидал красну дёвицу и говорит племяннику:

– А я думал – ты совсем остепенился; ан выходит, ты всё такой же! Старины не покидаешь...

□ Вот якоря подняты, паруса поставлены, и поплыли корабли в открытое море. Долго ли, коротко ли – приехали дядя с племянником в своё государство: надо им к царю идти и подарки нести. Дядя берёт кусок парчи да кусок бархату, а племянник два кирпичика.

– Ты куда? – спрашивает дядя.

– К царю пойду.

– А что понесёшь?

– Вот два кирпичика.

– Эх, брат, лучше не ходи – и себя не срами и меня в ответ не вводи. Не ровён час – царь прогневается; беда будет!

– Нет, дядя! Какой есть товар, тот и понесу.

Дядя уговаривал его, уговаривал, видит, что никак не уломает.

– Ну, – говорит, – коли что случится – на себя пеняй, а я в твоей вине не ответчик.

Являются они к самому царю; дядя бил челом парчою да бархатом, а Иван купеческий сын подал на золотом блюде два кирпичика:

– Извольте разломить, ваше величество!

Царь разломил кирпичи; оттуда так и посыпались дорогие самоцветные камни – всю комнату осветили.

– Спасибо тебе за подарочек; таких камней я отродясь не видывал. Выбирай себе первое место в городе и торгуй безданно-беспошлинно.

□Иван купеческий сын выбрал лучшее место в городе, поставил дом и лавки и завёл большой торг; а как всё по хозяйству устроил, вздумал жениться на Настасье Прекрасной, а вздумавши, послал к её отцу просить родительского благословения. Король думает: «Как-таки отдать королеву за простого торгаша? И смех и срам будет!» И начал он манить купеческого сына разными проволочками, а сам нарядил целый полк и приказал выкрасть Настасью Прекрасную.

□Раз отлучился куда-то по своим делам Иван купеческий сын, больше месяца дома не бывал, а как воротился, невесту его уже выкрали и к отцу увезли. Заплакал он и пошёл куда глаза глядят; шёл-шёл, много горя принял и холоду и голоду испытал; начал молитву творить: «Хоть бы господь послал мне попутчика – всё б веселей было!» Смотрит – старичок идёт.

– Здравствуй, добрый молодец! Куда путь держишь?

– Эх, дедушка! Было в руках счастье, да не дал бог владать! Иду искать Настасью Прекрасную.

– Поздно собрался! Её уж просватали за одного царевича.

– Мне хоть бы раз посмотреть на неё!

– Ну, пойдём вместе, и мне туда ж дорога лежит.

□Вот и пошли вдвоём; шли-шли, порядком проголодались. Вынул старик из-за пазухи просвирку, переломил пополам; себе взял одну половину, а другую даёт своему товарищу. Купеческий сын отказывается.

– Тебе самому, – говорит, – мало!

– Бери! Бог даст – и этого не съедим, а сыты будем.

Так и вышло: просвиры не съели, а уж оба сыты. Долго ли, коротко ли – приводит старик Ивана купеческого сына в королевский сад и говорит:

– Стань под эту яблоньку и смотри – выйдет Настасья Прекрасная гулять по саду и как раз мимо тебя пройдёт; только как станут падать яблоки, ты их не моги собирать да кушать, а не то заснёшь непробудным сном.

□Купеческий сын стал под яблоню; начали с дерева яблоки валиться, да такие славные, наливные, пахучие; он не вытерпел, поднял одно яблочко и скушал; скушал и заснул непробудным сном. Вышла Настасья Прекрасная по саду погулять, увидела своего суженого и бросилась будить его; будила, будила, никак не могла разбудить, написала записочку: «Прощай, милый друг! Завтра моя свадьба», – и положила ему в правую руку. Наутро проснулся Иван купеческий сын, прочитал записку и залился слезами. Приходит старик:

– Я ж тебе говорил: не бери, не ешь яблоков; а ты не послушался! Ступай поскорее – не найдёшь ли где дощечки.

□Купеческий сын побежал по улице, нашёл дощечку и принёс старику. Тот взял её, навязал струны, остановился у кабака и давай разные песни наигрывать. Что тут народу собралось – видимо-невидимо! Тотчас доложили королю: возле кабака такой-де музыкант проявился, что лучше королевских играет! Король приказал позвать его во дворец: «Пусть на свадьбе поиграет да гостей повеселит». Побежали гонцы, зовут старика на свадьбу; он отвечает: «Сейчас приду!» Снял с себя одежду, нарядил в неё купеческого сына, дал ему самодельную скрипочку и говорит:

– Ступай ты вместо меня.

– Как мне идти, когда я играть не умею?

– Ничего; ты только смычком води да руками перебирай, а скрипка сама играть станет.

□ Вот Иван купеческий сын пришёл во дворец, стал промеж музыкантов, начал играть – его скрипка всю музыку покрывает, на диво гостям целые речи выговаривает. Раз заиграл – скрипка говорит: «Спи, спи, да не проспи!» В другой заиграл – скрипка говорит: «Гуляй, гуляй, да не прогуляй!» А в третий раз заиграл – скрипка стала выводить: «Спите крепко непробудным сном!» В ту ж минуту где кто стоял, где кто сидел – так все и заснули. Иван купеческий сын взял Настасью Прекрасную за белые руки, повёл в церковь и обвенчался с нею. Король проснулся, видит – дело сделано, ничем не воротишь! И велел свадьбу справлять, пир пировать, гостей угощать.

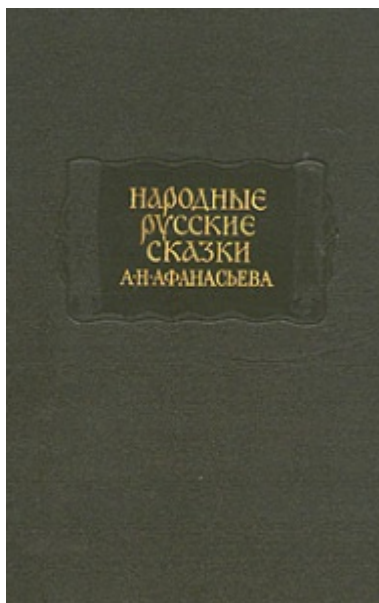
[1] – Неопрятный, у кого по́лы всегда в грязи.

(Голосов: **10**. Рейтинг: **4,00** из 5)

Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Неосторожное слово

В некотором селе жил старик со старухой в большой бедности; у них был сын. Взошёл сын в совершенные лета, и стала старуха говорить старику:

– Пора нам сына женить!

– Ну, ступай сватать!

Пошла она к соседу сватать дочь за своего сына: сосед отказал. Пошла к другому мужику, и другой отказал, к третьему – и тот на ворота указал; всю деревню обходила – никто не отдаёт. Вернулась домой:

– Ну, старик, пропащий наш парень!

– Что так?

– По всем дворам таскалася, никто за него не отдаёт своей дочери.

– Плохо дело! – говорит старик. – Скоро лето настанет, а у нас работать некому. Ступай, старуха, в другую деревню; может, там высватаешь.

□Потащилась старуха в другую деревню, с краю до краю все дворы обходила – а толку нет ни капли; куда ни сунется – везде отказывают. С чем из дому пошла, с тем и домой пришла.

– Нет, – говорит, – никто не хочет с нами, бедняками, породниться.

– Коли так, – отвечает старик, – нечего и ног ломать, полезай на полати.

Сын закручинился и стал проситься:

– Родимый мой батюшка и родимая матушка! Благословите меня – я сам пойду искать свою судьбу.

– Да куда ж ты пойдёшь?

– А куда глаза глядят!

Они благословили его и отпустили на все четыре стороны.

□ Вот вышел парень на большую дорогу, горько-горько заплакал да, идучи, сам с собой говорит: «Неужели ж я хуже всех на свете зародился, что ни одна девка не хочет за меня замуж идти? Кажись, если б сам чёрт дал мне невесту, я б и тоё взял!» Вдруг словно из земли вырос – идёт к нему навстречу старый старик:

– Здравствуй, добрый молодец!

– Здравствуй, старичок!

– Про что ты сейчас говорил?

Парень испугался, не знает, что и отвечать.

– А ты меня не бойся! Я тебе худого ничего не сотворю, а может, ещё твоему горю пособлю. Говори смело!

Парень рассказал ему всё по правде:

– Бедная моя головушка! Ни одна-то девка за меня замуж нейдёт. Вот я, идучи, раскручинился и с той кручины вымолвил: хоть бы чёрт мне невесту дал, я б и тоё взял!

Старик засмеялся и сказал:

– Иди за мной; я тебе любую невесту на выбор дам.

□Приходят они к озеру.

– Обернись-ка спиной к озеру да ступай задом! – приказывает парню старик.

Только успел он оборотиться и ступить шаг-другой, как очутился под водой в белокаменных палатах; все комнаты славно убраны, хитро изукрашены. Накормил-напоил его старик; после выводит двенадцать девиц – одна другой краше:

– Выбирай себе любую! Какую выберешь, ту и отдам за тебя.

– Это дело хитрое! Позволь, дедушка, до утра подумать.

– Ну, подумай! – сказал старик и отвёл его в особую светлицу.

□Парень лёг спать и думает: «Какую взять?» Вдруг дверь отворяется, входит к нему красная девица:

– Спишь ли, добрый молодец, али нет?

– Нет, красная девица! И сон не берёт, всё думаю: какую невесту выбрать?

– Я нарочно к тебе пришла посоветовать; ведь ты, добрый молодец, к чёрту попал в гости! Слушай же: если ты хочешь пожить ещё на белом свете, то делай так, как велю; а не станешь по-моему делать – отсюда жив не уйдёшь!

– Научи, красная девица! По век не забуду.

– Завтра выведет нечистый двенадцать девиц – все одна в одну; а ты приглядывайся да меня выбирай: на правом глазу у меня будет мошка сидеть – то тебе примета верная!

И рассказала тут красная девица про себя, кто она такова.

– Знаешь ли ты, – говорит, – в таком-то селе попа? Я его дочь – та самая, что девяти лет из дому пропала. Раз как-то отец на

меня осерчал да в сердцах слово вымолвил: «Чтоб тебя черти побрали!» Я вышла на крыльцо, заплакала – вдруг подхватили меня нечистые и принесли сюда; вот и живу теперь с ними.

□Поутру вывел старик двенадцать девиц – одна в одну – и приказывает доброму молодцу выбирать невесту. Он присмотрелся: у которой на правом глазу мошка сидела, ту и выбрал. Старику жалко её отдавать, перемешал красных девиц и велит выбирать сызнова; добрый молодец указал ту же самую. Заставил его нечистый выбирать ещё в третий раз – он опять угадал свою суженую.

– Ну, твоё счастье! Веди её домой.

Тотчас очутился парень с красной девицей на берегу озера, и пока на большую дорогу не выбрались – шли они задом. Бросились догонять их нечистые. «Отобьем, – кричат, – нашу девицу!» Смотрят: нет следов от озера, все следы ведут в воду! Побегали, поискали, да ни с чем и воротились.

□Вот привёл добрый молодец свою невесту на село и остановился против попова двора. Поп увидал и выслал работника:

– Поди, спроси, что за люди?

– Мы люди прохожие; пустите переночевать.

– У меня купцы в гостях, – говорит поп, – и без них в избе тесно.

– И, что ты, батюшка, – говорит один купец, – прохожего человека завсегда надо принять; они нам не помешают.

– Ну, пусть войдут!

Вошли они, поздоровались и сели на лавочку в заднем углу.

– Узнаешь ли меня, батюшка? – спрашивает красная девица. – Ведь я твоя родная дочь.

Рассказала всё, как было; стали они обниматься, целоваться,

радостные слёзы проливать.

– А это кто?

– А это мой наречённый жених; он меня на белый свет вывел. Если бы не он, вечно б там осталась.

□ После того развязала красная девица свой узел, а в том узле была золотая да серебряная посуда – у чертей забрала. Купец глянул и говорит:

– Ах! Посуда-то моя; пировал я однажды с гостями, спьяну осерчал на жену: «чёрт возьми!» – говорю и давай кидать со стола что ни попало за порог; с той поры и пропала моя посуда!

И взаправду так было; как помянул этот купец чёрта, нечистый тотчас явился у порога, стал забирать к себе золотую да серебряную посуду, а вместо её черепков накидал.

□ Вот таким-то случаем добыл себе парень славную невесту, женился на ней и поехал к своим родителям; они считали его уж навеки пропавшим: шутка ли – больше трёх лет дома не бывал, а ему показалось, что он всего-то одни сутки у чертей прожил!

(Голосов: **10**. Рейтинг: **4,00** из 5)

Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Морской царь и Василиса Премудрая

Жил-был царь с царицею. Любил он ходить на охоту и стрелять дичь. Вот один раз пошел царь на охоту и увидел: сидит на дубу молодой орел; только хотел его застрелить, орел и просит: «Не стреляй меня, царь-государь! Возьми лучше к себе, в некое время я тебе пригожусь». Царь подумал-подумал и говорит: «Зачем ты мне нужен!» – и хочет опять стрелять. Говорит ему орел в другой раз: «Не стреляй меня, царь-государь! Возьми лучше к себе, в некое время я тебе пригожусь». Царь думал-думал и опять-таки не придумал, на что бы такое пригодился ему орел, и хочет уж совсем застрелить его. Орел и в третий раз провещал: «Не стреляй меня, царь-государь! Возьми лучше к себе да прокорми три года; в некое время я пригожусь тебе!»

Царь смиловался, взял орла к себе и кормил его год и два: орел так много поедал, что всю скотину приел; не стало у царя ни овцы, ни коровы. Говорит ему орел: «Пусти-ка меня на волю!» Царь выпустил его на волю; попробовал орел свои крылья – нет, не сможет еще летать! – и просит: «Ну, царь-государь, кормил ты меня два года; уж как хочешь, а прокорми еще год; хоть займи, да прокорми: в накладе не будешь!» Царь то и сделал: везде занимал скотину и целый год кормил орла, а после выпустил его на волю вольную. Орел поднялся высоко-высоко, летал-летал, спустился на землю и говорит: «Ну, царь-государь, садись теперь на меня; полетим вместе». Царь сел на птицу.

Вот и полетели они; ни много, ни мало прошло времени, прилетели на край моря синего. Тут орел скинул с себя царя, и упал он в море – по колени намок; только орел не дал ему потонуть, подхватил его на крыло и спрашивает: «Что, царь-государь, небось испужался?» – «Испужался, – говорит царь, – думал, что совсем потону!» Опять летели-летели, прилетели к другому морю. Орел скинул с себя царя как раз посеред моря – ажно царь по пояс намок. Подхватил его орел на крыло и спрашивает: «Что, царь-государь, небось испужался?» – «Испужался, – говорит он, – да все думал: авось, бог даст, ты меня вытащишь». Опять-таки летели-летели и прилетели к третьему морю. Скинул орел царя в великую глубину – ажно намок он по самую шею. И в третий раз подхватил его орел на крыло и спрашивает: «Что, царь-государь, небось испужался?» – «Испужался, – говорит царь, – да все думалось: авось ты меня вытащишь». – «Ну, царь-государь, теперь ты изведал, каков смертный страх! Это тебе за старое, за прошлое: помнишь ли, как сидел я на дубу, а ты хотел меня застрелить; три раза примался стрелять, а я все просил тебя да на мысли держал: авось не загубишь, авось смилуешься – к себе возьмешь!»

После полетели они за тридевять земель; долго-долго летели. Сказывает орел: «Посмотри-ка, царь-государь, что над нами и что под нами?» Посмотрел царь. «Над нами, – говорит, – небо, под нами земля». – «Посмотри-ка еще, что по правую сторону и что по левую?» – «По правую сторону поле чистое, по левую дом стоит». – «Полетим туда, – сказал орел, – там живет моя меньшая сестра». Опустились прямо на двор; сестра выступила навстречу, примает своего брата, сажает его за дубовый стол, а на царя и смотреть не хочет; оставила его на дворе, спустила борзых собак и давай травить. Крепко осерчал орел, выскочил из-за стола, подхватил царя и полетел с ним дальше.

Вот летели они, летели; говорит орел царю: «Погляди, что позади нас?» Обернулся царь, посмотрел: «Позади нас дом красный». А орел ему: «То горит дом меньшей моей сестры – зачем тебя не примала да борзыми собаками травила». Летели-

летели, орел опять спрашивает: – «Посмотри, царь-государь, что над нами и что под нами?» – «Над нами небо, под нами земля». – «Посмотри-ка, что будет по правую сторону и что по левую?» – «По правую сторону поле чистое, по левую дом стоит». – «Там живет моя середняя сестра; полетим к ней в гости». Опустились на широкий двор; середняя сестра принимает своего брата, сажает его за дубовый стол, а царь на дворе остался; выпустила она борзых собак и притравила его. Орел осерчал, выскочил из-за стола, подхватил царя и улетел с ним еще дальше.

Летели они, летели; говорит орел: «Царь-государь! Посмотри, что позади нас?» Царь обернулся: «Стоит позади красный дом». – «То горит дом моей средней сестры! – сказал орел. – Теперь полетим туда, где живут моя мать и старшая сестра». Вот прилетели туда; мать и старшая сестра куда как им обрадовались и примали царя с честью, с ласкою. «Ну, царь-государь, – сказал орел, – отдохни у нас, а после дам тебе корабль, расплачусь с тобой за все, что поел у тебя, и ступай с богом домой». Дал он царю корабль и два сундучка: один – красный, другой – зеленый, и сказывает: «Смотри же, не отпирай сундучков, пока домой не приедешь; красный сундучок отпри на заднем дворе, а зеленый сундучок на переднем дворе».

Взял царь сундучки, распростился с орлом и поехал по синему морю; доехал до какого-то острова, там его корабль остановился. Вышел он на берег, вспомнил про сундучки, стал придумывать, что бы такое в них было и зачем орел не велел открывать их; думал-думал, не утерпел – больно^[1] узнать ему захотелось: взял он красный сундучок, поставил наземь и открыл, а оттудова столько разного скота вышло, что глазом не окинешь, – едва на острове поместились.

Как увидел это царь, взгоревался, зачал плакать и приговаривать: «Что же мне теперь делать? Как опять соберу все стадо в такой маленький сундучок?» И видит он – вышел из воды человек, подходит к нему и спрашивает: «Чего ты, царь-государь, так горько плачешь?» – «Как же мне не плакать! –

отвечает царь. – Как мне будет собрать все это стадо великое в такой маленький сундучок?» – «Пожалуй, я помогу твоему горю, соберу тебе все стадо, только с уговором: отдай мне – чего дома не знаешь». Задумался царь: «Чего бы это я дома не знал? Кажись, все знаю». Подумал и согласился. «Собери, – говорит, – отдам тебе – чего дома не знаю». Вот тот человек собрал ему в сундучок всю скотину; царь сел на корабль и поплыл восвояси.

Как приехал домой, тут только узнал, что родился у него сын-царевич; стал он его целовать, миловать, а сам так слезами и разливается. «Царь-государь, – спрашивает царица, – скажи, о чем горьки слезы ронишь?» – «С радости», – говорит; побоялся-то сказать ей правду, что надо отдавать царевича. Вышел он после на задний двор, открыл красный сундучок – и полезли оттуда быки да коровы, овцы да бараны, много-много набралось всякого скота, все сараи и варки^[2] стали полны. Вышел на передний двор, открыл зеленый сундучок – и появился перед ним большой да славный сад: каких-каких деревьев тут не было! Царь так обрадовался, что и забыл отдавать сына.

Прошло много лет. Раз как-то захотелось царю погулять, подошел он к реке; на ту пору показался из воды прежний человек и говорит: «Скоро же ты, царь-государь, забывчив стал! Вспомни, ведь ты должен мне!» Воротился царь домой с тоскою-кручиною и рассказал царице и царевичу всю правду истинную. Погоревали, заплакали все вместе и решили, что делать-то нечего, надо отдавать царевича; отвезли его на взморье и оставили одного.

Огляделся царевич кругом, увидел тропинку и пошел по ней: авось куда бог приведет. Шел-шел и очутился в дремучем лесу; стоит в лесу избушка, в избушке живет баба-яга. «Дай зайду», – подумал царевич и вошел в избушку. «Здравствуй, царевич! – молвила баба-яга. – Дело пытаешь или от дела лытаешь?» – «Эх, бабушка! Напой, накорми, да потом расспроси». Она его напоила-накормила, и царевич рассказал про все без утайки, куда и зачем идет. Говорит ему баба-яга: «Иди, дитяtko, на́ море; прилетят туда двенадцать колпиц, обернутся красными девицами и

станут купаться; ты подкрадись потихоньку и захвати у старшей девицы сорочку. Как поладишь с нею, ступай к морскому царю, и попадутся тебе навстречу Обьедало да Опивало, попадетса еще Мороз-Трескун – всех возьми с собою; они тебе к добру пригодятся». Простился царевич с ягою, пошел на сказанное место на́ море и спрятался за кусты. Тут прилетели двенадцать колпиц, ударились о сырую землю, обернулись красными девицами и стали купаться. Царевич украл у старшей сорочку, сидит за кустом – не ворохнется. Девицы выкупались и вышли на берег, одиннадцать подхватили свои сорочки, обернулись птицами и полетели домой; оставалась одна старшая, Василиса Премудрая. Стала молить, стала просить добра молодца. «Отдай, – говорит, – мою сорочку; придешь к батюшке, водяному царю, – в то времечко я тебе сама пригожусь». Царевич отдал ей сорочку, она сейчас обернулась колпицею и улетела вслед за подружками. Пустился царевич дальше; повстречались ему на пути три богатыря: Обьедало, Опивало да Мороз-Трескун; взял их с собою и пришел к водяному царю.

Увидал его водяной царь и говорит: «Здорово, дружок! Что так долго ко мне не бывал? Я устал, тебя дожидаячи. Примайся-ка теперь за работу; вот тебе первая задача: построй за одну ночь большой хрустальный мост, чтоб к утру готов был! Не построишь – голова долой!» Идет царевич от водяного, сам слезами заливаётся. Василиса Премудрая отворила окошечко в своем терему и спрашивает: «О чем, царевич, слезы ронишь?» – «Ах, Василиса Премудрая! Как же мне не плакать? Приказал твой батюшка за единую ночь построить хрустальный мост, а я топора не умею в руки взять». – «Ничего! Ложись-ка спать; утро вечера мудренее».

Уложила его спать, а сама вышла на крылечко, гаркнула-свистнула молодецким посвистом; со всех сторон сбежались плотники-работники: кто место ровняет, кто кирпичи таскает; скоро поставили хрустальный мост, вывели на нем узоры хитрые и разошлись по домам. Поутру рано будит Василиса Премудрая царевича: «Вставай, царевич! Мост готов, сейчас батюшка

смотреть придет». Встал царевич, взял метлу; стоит себе на мосту – где подметет, где почистит. Похвалил его водяной царь. «Спасибо, – говорит, – сослужил мне единую службу, сослужи и другую; вот тебе задача: насади к завтраму зеленый сад – большой да ветвистый, в саду бы птицы певчие распевали, на деревьях бы цветы расцветали, груши-яблоки спелые висели». Идет царевич от водяного, сам слезами заливаётся. Василиса Премудрая отворила окошечко и спрашивает: «О чем плачешь, царевич?» – «Как же мне не плакать? Велел твой батюшка за единую ночь сад насадить». – «Ничего! Ложись спать; утро вечера мудренее».

Уложила его спать, а сама вышла на крылечко, гаркнула-свистнула молодецким посвистом; со всех сторон сбежались садовники-огородники и насадили зеленый сад, в саду птицы певчие распевают, на деревьях цветы расцветают, груши-яблоки спелые висят. Поутру рано будит Василиса Премудрая царевича: «Вставай, царевич! Сад готов, батюшка смотреть идет». Царевич сейчас за метлу да в сад: где дорожку подметет, где веточку поправит. Похвалил его водяной царь: «Спасибо, царевич! Сослужил ты мне службу верой-правдою; выбирай себе за то невесту из двенадцати моих дочерей. Все они лицо в лицо, волос в волос, платье в платье; угадаешь до трех раз одну и ту же – будет она твоею женою, не угадаешь – велю тебя казнить». Узнала про то Василиса Премудрая, улучила время и говорит царевичу: «В первый раз я платком махну, в другой платье поправлю, в третий над моей головой станет муха летать». Так-то и угадал царевич Василису Премудрую до трех раз. Повенчали их и стали пир пировать.

Водяной царь наготовил много всякого кушанья – сотне человек не съесть! И велит зятю, чтоб все было поедено; коли что останется – худо будет. – «Батюшка! – просит царевич. – Есть у нас старичок, дозвожь и ему закусить с нами». – «Пускай придет!» Сейчас явился Обьедало; все приел – еще мало стало. Водяной царь наставил всякого питья сорок бочек и велит зятю, чтоб дочиста было выпито. «Батюшка! – просит опять царевич. –

Есть у нас другой старичок, дозвожь и ему выпить про твое здоровье». – «Пускай придет!» Явился Опивало, зараз опростал все сорок бочек – еще опохмелиться просит.

Видит водяной царь, что ничто не берет, приказал истопить для молодых баню чугунную жарко-нажарко; истопили баню чугунную, двадцать сажо́н дров сожгли, докрасна печь и стены раскалили – за пять верст подойти нельзя. «Батюшка, – говорит царевич, – дозвожь наперед нашему старичку попариться, баню опробовать». – «Пускай попарится!» Пришел в баню Мороз-Трескун: в один угол дунул, в другой дунул – уж сосульки висят. Вслед за ним и молодые в баню сходили, помылись-попарились и домой воротились. «Уйдем от батюшки водяного царя, – говорит царевичу Василиса Премудрая, – он на тебя больно сердит, не причинил бы зла какого!» – «Уйдем», – говорит царевич. Сейчас оседлали коней и поскакали в чистое поле.

Ехали-ехали; много прошло времени. «Слезь-ка, царевич, с коня да припади ухом к сырой земле, – сказала Василиса Премудрая, – не слышать ли за нами погони?» Царевич припал ухом к сырой земле: ничего не слышно! Василиса Премудрая сошла сама с доброго коня, прилегла к сырой земле и говорит: «Ах, царевич! Слышу сильную за нами погоню». Оборотила она коней колодезем, себя – ковшиком, а царевича – старым старичком. Наехала погоня: «Эй, старик! Не видал ли добра молодца с красной девицей?» – «Видал, родимые! Только давно: они еще в те поры проехали, как я молод был». Погоня воротилась к водяному царю. «Нет, – говорит, – ни следов, ни вести, только и видели, что старика возле колодезя, по воде ковшик плавает». – «Что ж вы их не брали?» – закричал водяной царь и тут же предал гонцов лютой смерти, а за царевичем и Василисой Премудрой послал другую смену. А тем временем они далеко-далеко уехали.

Услыхала Василиса Премудрая новую погоню; оборотила царевича старым попом, а сама сделалась ветхой церковью: еле стены держатся, кругом мохом обросли. Наехала погоня: «Эй, старичок! Не видал ли добра молодца с красной девицей?» – «Видал, родимые! Только давным-давно; они еще в те поры проехали, как

я молод был, эту церковь строил». И вторая погоня воротилась к водяному царю: «Нет, ваше царское величество, ни следов, ни вести; только и видели, что старца-попа да церковь ветхую». – «Что ж вы их не брали?» – закричал пуще прежнего водяной царь; предал гонцов лютой смерти, а за царевичем и Василисою Премудрою сам поскакал. На этот раз Василиса Премудрая оборотила коней рекою медовою, берегами кисельными, царевича – селезнем, себя – серой утицею. Водяной царь бросился на кисель и сыту, ел-ел, пил-пил – до того, что лопнул! Тут и дух испустил.

Царевич с Василисою Премудрою поехали дальше; стали они подъезжать домой, к отцу, к матери царевича. Василиса Премудрая и говорит: «Ступай, царевич, вперед, доложи отцу с матерью, а я тебя здесь на дороге обожду; только помни мое слово: со всеми целуйся, не целуй сестрицы; не то меня позабудешь». Приехал царевич домой, стал со всеми здороваться, поцеловал и сестрицу, и только поцеловал – как в ту ж минуту забыл про свою жену, словно и в мыслях не была.

Три дня ждала его Василиса Премудрая; на четвертый нарядилась нищенкой, пошла в стольный город и пристала у одной старушки. А царевич собрался жениться на богатой королевне, и велено было кликнуть клич по всему царству, чтоб сколько ни есть народу православного – все бы шли поздравлять жениха с невестою и несли в дар по пирогу пшеничному. Вот и старуха, у которой пристала Василиса Премудрая, принялась муку сеять да пирог готовить. «Для кого, бабушка, пирог готовишь?» – спрашивает ее Василиса Премудрая. «Как для кого? Разве ты не знаешь: наш царь сына женит на богатой королевне; надо во дворец идти, молодым на стол подавать». – «Дай и я испеку да во дворец снесу; может, меня царь чем пожалует». – «Пеки с богом!» Василиса Премудрая взяла муки, замесила тесто, положила творогу да голубя с голубкою и сделала пирог.

К самому обеду пошла старуха с Василисою Премудрою во дворец; а там пир идет на весь мир. Подали на стол пирог Василисы Премудрой, и только разрезали его пополам, как вылетели

оттудова голубь и голубка. Голубка ухватила кусок творогу, а голубь говорит: «Голубушка, дай и мне творожку!» – «Не дам, – отвечает голубка, – а то ты меня позабудешь, как позабыл царевич свою Василису Премудрую». Тут вспомнил царевич про свою жену, выскочил из-за стола, брал ее за белые руки и сажал возле себя рядышком. С тех пор стали они жить вместе во всяком добре и в счастии.

---

[1] – Очень, сильно.

[2] – Загороженные места, куда загоняют скот.

(Голосов: **10**. Рейтинг: **4,00** из 5)

Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Три копейки

Жил-был купец именитый; в одно время приходит к нему неведомый человек и наймывается в работники. Проработал год и просит у

купца расчёту; тот ему даёт заслуженное жалованье, а работник берёт за свою работу только одну копейку, идёт с ней к реке и бросает в воду. «Если, – говорит, – я служил верой и правдой, то моя копейка не утонет!» Копеечка утонула. Он опять пошёл к тому же купцу работать; проработал год, купец опять даёт ему денег, сколько надо, а работник опять берёт одну копейку, идёт с ней к реке на старое место и бросает в воду. Копеечка утонула. Пошёл в третий раз к купцу работать; проработал год, купец даёт ему денег ещё больше прежнего за усердную его службу, а работник берёт опять одну копейку, идёт с нею к реке и бросает её в воду; глядь – все три копейки поверх воды! Он взял их и пошёл вдоль по дороге в своё место.

□Вдруг ему попадается купец – к обедне едет; он даёт тому купцу копейку и просит свечку образам поставить. Купец взошёл в церковь, даёт из кармана своего денег на свечи и как-то обронил ту копейку на пол. Вдруг от той копейки огонь возгорел; люди в церкви изумились, спрашивают, кто копейку обронил. Купец говорит:

– Я обронил, а мне её дал на свечу какой-то работник.

Люди взяли по свече и зажгли от той копейки. А работник тем временем продолжает свой путь вперёд.

□На дороге попадается ему другой купец – на ярмарку едет; работник вынимает из кармана копейку, отдаёт купцу и говорит:

– Купи мне на эту копейку на ярмарке товару.

Купец взял, закупил себе товару и думает: чего бы ещё искупить? И вспомнил про копейку. Вспомнил и не знает, чего бы на неё купить. Попадается ему мальчик, продаёт кота и просит за него ни больше, ни меньше, как одну копейку; купец не нашёл другого товару и купил кота.

□Поплыл он на кораблях в иное государство торг торговать; а на то государство напал великий гнус^[1]. Стали корабли в пристани; котик то и дело из корабля выбегает, гнус поедает. Узнал про

то царь, спрашивает купца:

– Дорог ли этот зверь?

Купец говорит:

– Не мой это зверь; мне велел его купить один молодец, – и нарочно молвил, что стоит трёх кораблей.

Царь отдал три корабля купцу, а котика себе взял. Воротился купец назад, а работник вышел на рынок, нашёл его и говорит:

– Купил ли ты мне на копеечку товару?

Купец отвечает:

– Нельзя потаить – купил три корабля!

Работник взял три корабля и поплыл по морю.

□ Долго ли, коротко ли – приплыл к острову; на том острове стоит дуб; он взлез на него ночевать и слышит: внизу под дубом хвастается Ерахта^[2] своим товарищам, что вот завтра среди бела дня он украдёт у царя дочь. Товарищи ему говорят:

– Если ты не утащишь, то мы тебя всего железными прутьями исхлещем!

После того разговора они ушли; работник слез с дуба и идёт к царю; пришёл в палаты, вынул из кармана последнюю копеечку и зажёг её. Ерахта прибежал к царю и никак не сможет украсть его дочери; воротился ни с чем к братьям, а они давай его хлестать железными прутьями; хлестали-хлестали и бросили в неведомое место! А работник женился на царевне и стал себе жить-поживать, добра наживать.

---

[1] – Мыши, крысы.

[2] – Чёрт.

(Голосов: **10**. Рейтинг: **4,00** из 5)

Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Мудрая жена

В некотором царстве, в некотором государстве жил в деревушке старик со старухой; у него было три сына: два – умных, а третий – дурак. Пришло время старику помирать, стал он деньги делить: старшему дал сто рублей и среднему – сто рублей, а дураку и давать не хочет: всё равно даром пропадут!

– Что ты, батька! – говорит дурак. – Дети все равны, что умные, что дурак; давай и мне долю.

Старик дал и ему сто рублей. Умер отец, похоронили его. Вот умные братья собрались на базар ехать быков покупать; и дурак поднялся. Умные купили быков, а он кошку да собаку привёл. Через несколько дней старшие братья запрягли своих быков, хотят в дорогу ехать; смотря на них, и меньшей собирается.

– Что ты, дурак! Куда собираешься? Али людей смешить?

– Про то я знаю! Умным – дорога, и дуракам – путь не заказан.

□Взял дурак собаку да кошку, взвалил мешок на плеча и пошёл из дому. Шёл-шёл, на пути большая река, а заплатить за перевоз нет ни гроша; вот дурак долго не думал, набрал хворосту, сделал на берегу шалаш и остался в нём жить. Начала его собака по сторонам промышлять, краюшки хлеба таскать, и себя не забывает и хозяина с кошкой кормит. Плыл по той реке корабль с разными товарами. Дурак увидал и кричит:

– Эй, господин корабельщик! Ты в торг едешь, возьми и мой товар из половины.

И бросил на корабль свою кошку.

– Куда нам этого зверя? – смеются корабельные работники. – Давайте, ребята, его в воду спустим.

– Эх вы какие, – говорит хозяин, – не трожьте, пускай эта кошка у нас мышей да крыс ловит.

– Что ж, это дело!

□Долго ли, коротко ли – приплыл корабль в иную землю, где кошек никто и не видывал, а крыс да мышей столько было, как травы в поле. Корабельщик разложил свои товары, стал продавать; нашёлся и купец на них, закупил всё сполна и позвал корабельщика.

– Надо магарыч пить; пойдём, – говорит, – я тебя угощу!

Привёл гостя в свой дом, напоил допьяна и приказал своим приказчикам стащить его в сарай: «Пусть-де его крысы съедят, всё его богатство мы задаром возьмём!» Стащили корабельщика в тёмный сарай и бросили наземь; а с ним всюду кошка ходила, так привыкла к нему – ни на шаг не отстаёт. Забралась она в этот сарай и давай крыс душить; душила-душила, этакую кучу накидала! Наутро приходит хозяин, смотрит – корабельщик ни в

чём невредим, а кошка последних крыс добивает.

– Продай, – говорит, – мне твоего зверя.

– Купи!

Торговаться-торговаться – и купил её купец за шесть бочонков золота.

□Воротился корабельщик в своё государство, увидел дурака и отдаёт ему три бочонка золота.

– Экая пропасть золота! Куда мне с ним? – подумал дурак и пошёл по городам да по сёлам оделять нищую братию; роздал два бочонка, а на третий купил ладану, сложил в чистом поле и зажёл: воскурилось благоухание и пошло к богу на небеса. Вдруг является ангел:

– Господь приказал спросить, чего ты желаешь?

– Не знаю, – отвечает дурак.

– Ну, ступай в эту сторону; там три мужика землю пахут, спроси у них – они тебе скажут.

Дурак взял дубинку и пошёл к пахарям. Приходит к первому:

– Здравствуй, старик!

– Здравствуй, добрый человек!

– Научи меня, чего б пожелать мне от господа.

– А я почём знаю, что тебе надобно!

Дурак недолго думал, хватил старика дубинкою прямо по голове и убил до смерти.

□Приходит к другому, опять спрашивает:

– Скажи, старик, чего бы лучше пожелать мне от господа?

– А мне почём знать!

Дурак ударил его дубинкою – и дохнуть не дал. Приходит к третьему пахарю, спрашивает у него:

– Скажи ты, старче!

Старик отвечает:

– Коли тебе богатство дать, ты, пожалуй, и бога забудешь; пожелай лучше жену мудрую.

Воротился дурак к ангелу.

– Ну, что тебе сказано?

– Сказано: не желай богатства, пожелай жену мудрую.

– Хорошо! – говорит ангел. – Ступай к такой-то реке, сядь на мосту и смотри в воду; мимо тебя всякая рыба пройдёт – и большая и малая; промеж той рыбы будет плотичка с золотым кольцом – ты её подхвати и брось через себя о сырую землю.

□Дурак так и сделал; пришёл к реке, сел на мосту, смотрит в воду пристально – плывёт мимо рыба всякая, и большая и малая, а вот и плотичка – на ней золотое кольцо вздето; он тотчас подхватил её и бросил через себя о сырую землю – обратилась рыбка красной девицей:

– Здравствуй, милый друг!

Взялись они за руки и пошли; шли, шли, стало солнце садиться – остановились ночевать в чистом поле. Дурак заснул крепким сном, а красная девица крикнула зычным голосом – тотчас явилось двенадцать работников.

– Постройте мне богатый дворец под золотую крышею.

Вмиг дворец поспел, и с зеркалами и с картинами. Спать легли в чистом поле, а проснулись в чудесных палатах. Увидел тот дворец под золотую крышею сам государь, удивился, позвал к

себе дурака и говорит:

– Ещё вчера было тут место гладкое, а нынче дворец стоит! Видно, ты колдун какой!

– Нет, ваше величество! Всё сделалось по божьему повелению.

– Ну, коли ты сумел за одну ночь дворец поставить, ты построй к завтраму от своего дворца до моих палат мост – одна мостина серебряная, а другая золотая; а не выстроишь, то мой меч – твоя голова с плеч!

□Пошёл дурак, заплакал. Встречает его жена у дверей:

– О чём плачешь?

– Как не плакать мне! Приказал мне государь мост соорудить – одна мостина золотая, другая серебряная; а не будет готов к завтраму, хочет голову рубить.

– Ничего, душа моя! Ложись-ка спать; утро вечера мудренее.

Дурак лёг и заснул; наутро встаёт – уж всё сделано: мост такой, что в год не насмотришься! Король позвал дурака к себе:

– Хороша твоя работа! Теперь сделай мне за единую ночь, чтоб по обе стороны моста росли яблони, на тех яблонях висели бы спелые яблочки, пели бы птицы райские да мяукали котики морские; а не будет готово, то мой меч – твоя голова с плеч!

□Пошёл дурак, заплакал; у дверей жена встречает:

– О чём, душа, плачешь?

– Как не плакать мне! Государь велел, чтоб к завтраму по обе стороны моста яблони росли, на тех яблонях спелые яблочки висели, птицы райские пели и котики морские мяукали; а не будет сделано – хочет рубить голову.

– Ничего, ложись-ка спать; утро вечера мудренее.

Наутро встаёт дурак – уж всё сделано: яблоки зреют, птицы распевают, котики мяукают. Нарвал он яблоков, понёс на блюде к государю. Король съел одно-другое яблоко и говорит:

– Можно похвалить! Этакой сласти я ещё никогда не пробовал! Ну, братец, коли ты так хитёр, то сходи на тот свет к моему отцу-покойнику и спроси, где его деньги запряваны? А не сумеешь сходить туда, помни одно: мой меч – твоя голова с плеч!

□Опять идёт дурак да плачет.

– О чём, душа, слёзы льёшь? – спрашивает его жена.

– Как мне не плакать! Посылает меня государь на тот свет – спросить у его отца-покойника, где деньги спряваны.

– Это ещё не беда! Ступай к королю да выпроси себе в провожатые тех думных людей, что ему злые советы дают.

Король дал ему двух бояр в провожатые; а жена достала клубочек.

– На, – говорит, – куда клубочек покатится – туда смело иди.

□Вот клубочек катился-катился – и прямо в море: море расступилося, дорога открылася; дурак ступил раз-другой и очутился с своими провожатыми на том свете. Смотрит, а на покойном королевском отце черти до пекла дрова везут да гоняют его железными прутьями.

– Стой! – закричал дурак.

Черти подняли рогатые головы и спрашивают:

– А тебе что надобно?

– Да мне нужно слова два перекинуть вот с этим покойником, на котором вы дрова возите.

– Ишь что выдумал! Есть когда толковать! Этак, пожалуй, у нас

в пекле огонь погаснет.

– Небось поспеете! Возьмите на смену этих двух бояр, ещё скорей доvezут.

Живой рукой отпрягли черти старого короля, а вместо его двух бояр заложили и повезли дрова в пекло. Говорит дурак государеву отцу:

– Твой сын, а наш государь, прислал меня к твоей милости спросить, где прежняя казна спрятана?

– Казна лежит в глубоких подвалах за каменными стенами; да сила не в том, а скажи-ка ты моему сыну: коли он будет королевством управлять так же не по правде, как я управлял, то и с ним то же будет! Сам видишь, как меня черти замучили, до костей спину и бока простегали. Возьми это кольцо и отдай сыну для большего уверения...

Только старый король покончил эти слова, как черти уж назад едут:

– Но-но! Эх, какая пара славная! Дай нам ещё разок на ней прокатиться.

А бояре кричат дураку:

– Смилуйся, не давай нас; возьми, пока живы!

Черти отпрягли их, и бояре воротились с дураком на белый свет.

□Приходят к королю; он глянул и ужаснулся: у тех бояр лица осунулись, глаза выкатились, из спины, из боков железные прутья торчат.

– Что с вами подеялось? – спрашивает король. Дурак отвечает:

– Были мы на том свете; увидал я, что на вашем покойном отце черти дрова везут, остановил их и дал этих двух бояр на смену; пока я с вашим отцом говорил, а черти на них дрова возили.

– Что ж с тобою отец наказал?

– Да велел сказать: коли ваше величество будете управлять королевством так же не по правде, как он управлял, то и с вами то же будет. Вот и кольцо прислал для большего уверения.

– Не то говоришь! Где казна-то лежит?

– А казна в глубоких подвалах, за каменными стенами спрятана.

Тотчас призвали целую роту солдат, стали каменные стены ломать; разломали, а за теми стенами стоят бочки с серебром да с золотом – сумма несчетная!

– Спасибо тебе, братец, за службу! – говорит король дураку. – Только уж не погневайся: коли ты сумел на тот свет сходить, так сумей достать мне гусли-самогуды; а не достанешь, то мой меч – твоя голова с плеч!

□Дурак пошёл и заплакал.

– О чем, душа, плачешь? – спрашивает у него жена.

– Как мне не плакать! Сколько ни служить, а всё голову сложить! Посылает меня государь за гуслиями-самогудами.

– Ничего, мой брат их делает.

Дала ему клубочек, полотенце своей работы, наказала взять с собою двух прежних бояр, королевских советников, и говорит:

– Теперь ты пойдёшь на́долго-на́долго: как бы король чего злого не сделал, на мою красоту не польстился! Пойди-ка ты в сад да вырежь три прутика.

Дурак вырезал в саду три прутика.

– Ну, теперь ударь этими прутиками и дворец и меня самоё по три раза и ступай с богом!

Дурак ударил – жена обратилась в камень, а дворец в каменную

гору. Взял у короля двух прежних бояр и пошёл в путь-дорогу; куда клубочек катится, туда и он идёт.

□Долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли – прикатился клубочек в дремучий лес, прямо к избушке. Входит дурак в избушку, а там старуха сидит.

– Здравствуй, бабушка!

– Здравствуй, добрый человек! Куда бог несёт?

– Иду, бабушка, поискать такого мастера, чтобы сделал мне гусли-самогуды: сами бы гусли играли, и под ихнюю музыку все бы волей-неволей плясали.

– Ах, да ведь этакие гусли мой сынок делает! Подожди немножко – он уже домой придёт.

Немного погодя приходит старухин сын.

– Господин мастер! – просит его дурак. – Сделай мне гусли-самогуды.

– У меня готовые есть; пожалуй, подарю тебе, только с тем уговором: как стану я гусли настраивать – чтоб никто не спал! А коли кто уснёт да по моему оклику не встанет, с того голова долой!

– Хорошо, господин мастер!

□Взялся мастер за работу, начал настраивать гусли-самогуды; вот один боярин заслушался и крепко уснул.

– Ты спишь? – окликает мастер.

Тот не встаёт, не отвечает, и покатилась голова его по полу. Минуты две-три – и другой боярин заснул; отлетела и его голова с плеч долой. Ещё минута – и дурак задремал.

– Ты спишь? – окликает мастер.

– Нет, не сплю! С дороги глаза слипаются. Нет ли воды? Промыть надобно.

Старуха подала воды. Дурак умылся, достал шитое полотенце и стал утираться. Старуха глянула на то полотенце, признала работу своей дочери и говорит:

– Ах, зять любезный! Не чаяла с тобой видеться; здорова ли моя дочка?

Тут пошло у них обниманье-целованье: три дня гуляли, пили-ели, прохлаждались, а там наступило время и прощаться. На прощанье мастер подарил своему зятю гусли-самогуды; дурак взял их под мышку и пустился домой.

□Шёл-шёл, вышел из дремучего леса на большую дорогу и заставил играть гусли-самогуды: век бы слушал – не наслушался!.. Попадается ему навстречу разбойник.

– Отдай, – говорит, – мне гусли-самогуды, а я тебе дубинку дам.

– А на что твоя дубинка?

– Да ведь она не простая; только скажи ей: эй, дубинка, бей-колоти – хоть целую армию, и ту на месте положит.

Дурак поменялся, взял дубинку и велел ей убить разбойника. Дубинка полетела на разбойника, раз-другой ударила и убила его до смерти. Дурак взял гусли-самогуды и дубинку и пошёл дальше.

□Приходит в своё государство.

– Что, – думает, – мне к королю идти – ещё успею! Лучше я наперёд с женой повидаюсь.

Ударил тремя прутиками в каменную гору – раз, другой, третий, и явился чудный дворец; ударил в камень – и жена перед ним. Обнялись, поздоровались, два-три слова перемолвили; после того взял дурак гусли, не забыл и дубинку и пошёл к королю. Тот

увидал.

– Эх, – думает, – ничем его не уходишь, всё исполняет!

Как закричит, как напустится на дурака:

– Ах ты, такой-сякой! Вместо того чтобы ко мне явиться, ты наперёд вздумал с женой обниматься!

– Виноват, ваше величество!

– Мне из твоей вины не шубу шить! Уж теперь ни за что не прощу... Подайте-ка мой булатный меч!

Дурак видит, что дело к расплате идёт, и крикнул:

– Эй, дубинка, бей-колоти!

Дубинка бросилась, раз-другой ударила и убила злого короля до смерти. А дурак сделался королём и царствовал долго и милостиво.

(Голосов: **10**. Рейтинг: **4,00** из 5)

Загрузка...

**Русские народные сказки. А.
Н. Афанасьев. Пойди туда – не
знаю куда, принеси то – не
знаю что**

В некотором государстве жил-был король, холост-неженат, и была у него целая рота стрельцов; на охоту стрельцы ходили, перелетных птиц стреляли, государев стол дичью снабжали. В той роте служил стрелец-молодец, по имени Федот; метко в цель попадал, почитай – николи промаху не давал, и за то любил его король пуще всех его товарищей. Случилось ему в одно время пойти на охоту раным-ранехонько, на самой зоре; зашел он в темный, густой лес и видит: сидит на дереве горлица. Федот навел ружье, прицелился, выпалил – и перешиб птице крылышко; свалилась птица с дерева на сырую землю. Поднял ее стрелок, хочет оторвать голову да положить в сумку. И возговорит ему горлица: «Ах, стрелец-молодец, не срывай моей буйной головушки, не своди меня с белого света; лучше возьми меня живую, принеси в свой дом, посади на окошечко и смотри: как только найдет на меня дремота, в ту самую пору ударь меня правой рукою наотмашь – и добудешь себе великое счастье!» Крепко удивился стрелок. «Что такое? – думает. – С виду совсем птица, а говорит человеческим голосом! Прежде со мной такого случая никогда не бывало...»

Принес птицу домой, посадил на окошечко, а сам стоит-дожидается. Прошло немного времени, горлица положила свою головку под крылышко и задремала; стрелок поднял правую руку, ударил ее наотмашь легохонько – пала горлица наземь и сделалась душой-дэвицей, да такую прекрасною, что ни вздумать,

ни взгадать, только в сказке сказать! Другой подобной красавицы во всем свете не бывало! Говорит она добру молодцу, королевскому стрельцу: «Умел ты меня достать, умей и жить со мною; ты мне будешь нареченный муж, а я тебе богоданная жена!» На том они и поладили; женился Федот и живет себе – с молодой женой потешается, а службы не забывает; каждое утро ни свет ни заря возьмет свое ружье, пойдет в лес, настреляет разной дичи и отнесет на королевскую кухню.

Видит жена, что от той охоты весь он измаялся, и говорит ему: «Послушай, друг, мне тебя жалко: каждый божий день ты беспокоишься, бродишь по лесам до по болотам, завсегда мокрехонек домой ворочаешься, а пользы нам нет никакой. Это что за ремесло! Вот я так знаю такое, что без барышей не останешься. Добудь-ка рублей сотню-другую, все дело поправим». Бросился Федот по товарищам: у кого рубль, у кого два занял и собрал как раз двести рублей. Принес к жене. «Ну, – говорит она, – купи теперь на все эти деньги разного шелку». Стрелец купил на двести рублей разного шелку. Она взяла и сказывает: «Не тужи, молись богу да ложись спать; утро вечера мудренее!»

Муж заснул, а жена вышла на крылечко, развернула свою волшебную книгу – и тотчас явились перед ней два неведомых молодца: что угодно – приказывай! «Возьмите вот этот шелк и за единый час сделайте мне ковер, да такой чудный, какого в целом свете не видывано; а на ковре бы все королевство было вышито, и с городами, и с деревнями, и с реками, и с озерами». Принялись они за работу и не только в час, а в десять минут изготовили ковер – всем на диво; отдали его стрельцовой жене и вмиг исчезли, словно их и не было! Наутро отдает она ковер мужу. «На, – говорит, – понеси на гостиный двор и продай купцам, да смотри: своей цены не запрашивай, а что дадут, то и бери».

Федот взял ковер, развернул, повесил на руку и пошел по гостиным рядам. Увидел один купец, подбежал и спрашивает: «Послушай, почтенный! Продаешь, что ли?» – «Продаю». – «А что стоит?» – «Ты торговый человек, ты и цену уставляй». Вот купец

думал, думал, не может оценить ковра – да и только! Подскочил другой купец, за ним третий, четвертый... и собралась их толпа великая, смотрят на ковер, дивуются, а оценить не могут. В то время проезжал мимо гостиных рядов дворцовый комендант, усмотрел толпу, и захотелось ему разузнать: про что толкует купечество? Вылез из коляски, подошел и говорит: «Здравствуйте, купцы-торговцы, заморские гости! О чем речь у вас?» – «Так и так, ковра оценить не можем». Комендант посмотрел на ковер и сам дался диву. «Послушай, стрелец, – говорит он, – скажи мне по правде по истинной, откуда добыл ты такой славный ковер?» – «Моя жена вышила». – «Сколько же тебе дать за него?» – «Я и сам цены не ведаю; жена наказала не торговаться, а сколько дадут – то и наше!» – «Ну, вот тебе десять тысяч!»

Стрелец взял деньги и отдал ковер, а комендант этот завсегда при короле находился – и пил и ел за его столом. Вот он поехал к королю обедать и ковер повез: «Не угодно ль вашему величеству посмотреть, какую славную вещь купил я сегодня?» Король взглянул – все свое царство словно на ладони увидел; так и ахнул! «Вот это ковер! В жизнь мою такой хитрости не видывал. Ну, комендант, что хочешь, а ковра тебе не отдам». Сейчас вынул король двадцать пять тысяч и отдал ему из рук в руки, а ковер во дворце повесил. «Ничего, – думает комендант, – я себе другой еще лучше закажу».

Сейчас поскакал к стрельцу, разыскал его избушку, входит в светлицу и как только увидал стрельцову жену – в ту ж минуту и себя и свое дело позабыл, сам не ведает, зачем приехал; перед ним такая красавица, что век бы очей не отвел, все бы смотрел да смотрел! Глядит он на чужую жену, а в голове дума за думой: «Где это видано, где это слыхано, чтобы простой солдат да таким сокровищем владал? Я хоть и при самом короле служу и генеральский чин на мне положоён, а такой красоты нигде не видывал!» Насилу комендант опомнился, нехотя домой убрался. С той поры, с того времени совсем не свой сделался: и во сне и наяву только и думает, что о прекрасной стрельчихе; и ест – не

заест, и пьет – не запьет, все она представляется!

Заприметил король и стал его выпрашивать: «Что с тобой подеялось? Аль кручина какая?» – «Ах, ваше величество! Видел я у стрельца жену, такой красоты во всем свете нет; все об ней думаю: и не заесть и не запить, никаким снадобьем не заморозить!» Пришла королю охота самому полюбоваться, приказал заложить коляску и поехал в стрелецкую слободу. Входит в светлицу, видит – красота невообразимая! Кто ни взглянет – старик ли, молодой ли, всякий без ума влюбится. Защемила его зазноба сердечная. «Чего, – думает про себя, – хожу я холост-неженат? Вот бы мне жениться на этой красавице; зачем ей быть стрельчихою? Ей на роду написано быть королевою».

Воротился король во дворец и говорит коменданту: «Слушай! Сумел ты показать мне стрельцову жену – красоту невообразимую; теперь сумей известить ее мужа. Я сам на ней хочу жениться... А не изведешь, пеняй на себя; хоть ты и верный мой слуга, а быть тебе на виселице!» Пошел комендант, пуще прежнего запечалился; как стрельца порешить – не придумает.

Идет он пустырями, закоулками, а навстречу ему баба-яга: «Стой, королевский слуга! Я все твои думки ведаю; хочешь, пособлю твоему горю неминуемому?» – «Пособи, бабушка! Что хочешь, заплачу». – «Сказан тебе королевский указ, чтобы извел ты Федота-стрельца. Это дело бы неважное: сам-то он прост, да жена у него больно хитра! Ну, да мы загадаем такую загадку, что не скоро справится. Воротись к королю и скажи: за тридевять земель, в тридесятом царстве есть остров; на том острове ходит олень золотые рога. Пусть король наберет полсотню матросов – самых негодных, горьких пьяниц, и велит изготовить к походу старый, гнилой корабль, что тридцать лет в отставке числится; на том корабле пусть пошлет Федота-стрельца добывать оленя золотые рога. Чтоб добраться до острова, надо плыть ни много, ни мало – три года, да назад с острова – три года, итого шесть лет. Вот корабль выступит в море, месяц прослужит, а там и потонет: и стрелец и матросы – все на дно пойдут!»

Комендант выслушал эти речи, поблагодарил бабу-ягу за науку, наградил ее золотом и бегом к королю. «Ваше величество! – говорит. – Так и так – можно наверно стрельца извести». Король согласился и тотчас отдал приказ по флоту: изготовить к походу старый, гнилой корабль, нагрузить его провизией на шесть лет и посадить на него пятьдесят матросов – самых распутных и горьких пьяниц. Побежали гонцы по всем кабакам, по трактирам, набрали таких матросов, что поглядеть любо-дорого: у кого глаза подбиты, у кого нос сворочо́й набок. Как скоро доложили королю, что корабль готов, он в ту же минуту потребовал к себе стрельца: «Ну, Федот, ты у меня молодец, первый в команде стрелец; сослужи-ка мне службу, поезжай за тридевять земель, в тридесятое царство – там есть остров, на том острове ходит олень золотые рога; поймай его живого и привези сюда». Стрелец задумался; не знает, что и отвечать ему. «Думай – не думай, – сказал король, – а коли не сделаешь дела, то мой меч – твоя голова с плеч!»

Федот повернулся налево кругом и пошел из дворца; вечером приходит домой крепко печальный, не хочет и слова вымолвить. Спрашивает его жена: «О чем, милый, закручинился? Аль невзгода какая?» Он рассказал ей все сполна. «Так ты об этом печалишься? Есть о чем! Это службишка, не служба. Молись-ка богу да ложись спать; утро вечера мудренее: все будет сделано». Стрелец лег и заснул, а жена его развернула волшебную книгу – и вдруг явились перед ней два неведомых мо́лодца: «Что угодно, что надобно?» – «Ступайте вы за тридевять земель, в тридесятое царство – на остров, поймайте оленя золотые рога и доставьте сюда». – «Слушаем! К свету все будет исполнено».

Вихрем понеслись они на тот остров, схватили оленя золотые рога, принесли его прямо к стрельцу на двор; за час до рассвета все дело покончили и скрылись, словно их и не было. Стрельчиха-красавица разбудила своего мужа пораньше и говорит ему: «Поди посмотри – олень золотые рога на твоём дворе гуляет. Бери его на корабль с собою, пять суток вперед плыви,

на шестые назад поворачивай». Стрелец посадил оленя в глухую, закрытую клетку и отвез на корабль. «Тут что?» – спрашивают матросы. «Разные припасы и снадобья; путь долгий, мало ли что понадобится!»

Настало время кораблю отчаливать от пристани, много народу пришло пловцов провожать, пришел и сам король, попрощался с Федотом и поставил его над всеми матросами за старшего. Пятые сутки плывет корабль по́ морю, берегов давно не видать. Федот-стрелец приказал выкатить на палубу бочку вина в сорок ведер и говорит матросам: «Пейте, братцы! Не жалейте; душа – мера!» А они тому и рады, бросились к бочке и давай вино тянуть, да так натянулись, что тут же возле бочки попадали и заснули крепким сном. Стрелец взялся за руль, поворотил корабль к берегу и поплыл назад; а чтоб матросы про то не сведали – знай с утра до вечера вином их накачивает: только они с перепоя глаза продерут, как уж новая бочка готова – не угодно ль опохмелиться.

Как раз на одиннадцатые сутки привалил корабль к пристани, выкинул флаг и стал палить из пушек. Король услышал пальбу и сейчас на пристань – что там такое? Увидел стрельца, разгневался и накинулся на него со всей жёсточью: «Как ты смел до сроку назад воротиться?» – «А куда ж мне деваться, ваше величество? Пожалуй, иной дурак десять лет в морях проплавает да путного ничего не сделает, а мы вместо шести лет всего-навсего десять суток проехали, да свое дело справили: не угодно ль взглянуть на оленя золотые рога?» Тотчас сняли с корабля клетку, выпустили златорогого оленя; король видит, что стрелец прав, ничего с него не возьмешь! Позволил ему домой идти, а матросам, которые с ним ездили, дал свободу на целые на шесть лет; никто не смей их и на службу спрашивать, по тому самому, что они уж эти года заслужили.

На другой день призвал король коменданта, напустился на него с угрозами. «Что ты, – говорит, – али шутки со мной шутишь? Видно, тебе голова твоя не дорога! Как знаешь, а найди случай, чтоб можно было Федота-стрельца злой смерти предать». – «Ваше

королевское величество! Позвольте подумать; авось можно поправиться». Пошел комендант пустырями да закоулками, навстречу ему баба-яга: «Стой, королевский слуга! Я твои думки ведаю; хочешь, пособлю твоему горю?» – «Пособи, бабушка! Ведь стрелец вернулся и привез оленя золотые рога». – «Ох, уж слышала! Сам-то он простой человек, извести его нетрудно бы – все равно что щепоть табаку понюхать! Да жена у него больно хитра. Ну да мы загадаем ей иную загадку, с которой не так скоро справится. Ступай к королю и скажи: пусть пошлет он стрельца туда – не знаю куда, принести то – не знаю что. Уж этой задачи он во веки веков не выполнит: или совсем без вести пропадет, или с пустыми руками назад придет».

Комендант наградил бабу-ягу золотом и побежал к королю; король выслушал и велел стрельца позвать. «Ну, Федот! Ты у меня молодец, первый в команде стрелец. Сослужил ты мне одну службу – достал оленя золотые рога; сослужи и другую: поди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что! Да помни: коли не принесешь, то мой меч – твоя голова с плеч!» Стрелец повернулся налево кругом и пошел из дворца; приходит домой печальный, задумчивый. Спрашивает его жена: «Что, милый, кручинишься? Аль еще невзгода какая?» – «Эх, – говорит, – одну беду с шеи свалил, а другая навалилася; посылает меня король туда – не знаю куда, велит принести то – не знаю что. Через твою красу все напасти несусь!» – «Да, это служба немалая! Чтоб туда добраться, надо девять лет идти, да назад девять – итого восемнадцать лет; а будет ли толк с того – бог ведает!» – «Что же делать, как же быть?» – «Молись богу да ложись спать; утро вечера мудренее. Завтра все узнаешь».

Стрелец лег спать, а жена его дождалась ночи, развернула волшебную книгу – и тотчас явились перед ней два молодца: «Что угодно, что надобно?» – «Не ведаете ли: как ухитриться да пойти туда – не знаю куда, принести то – не знаю что?» – «Нет, не ведаем!» Она закрыла книгу – и молодцы с глаз исчезли. Поутру будит стрельчиха своего мужа: «Ступай к королю, проси золотой казны на дорогу – ведь тебе восемнадцать лет

странствовать, а получишь деньги, заходи со мной проститься». Стрелец побывал у короля, получил из казначейства целую кису^[1] золота и приходит с женой прощаться. Она подает ему ширинку и мячик: «Когда выйдешь из города, брось этот мячик перед собою; куда он покатится – туда и ты ступай. Да вот тебе мое рукоделье: где бы ты ни был, а как станешь умываться – всегда утирай лицо этою ширинкою». Попрощался стрелец с своей женой и товарищами, поклонился на все на четыре стороны и пошел за заставу. Бросил мячик перед собою; мячик катится да катится, а он за ним следом идет.

Прошло с месяц времени, призывает король коменданта и говорит ему: «Стрелец отправился на восемнадцать лет по белу свету таскаться, и по всему видно, что не быть ему живому. Ведь восемнадцать лет не две недели; мало ли что в дороге случится! Денег у него много; пожалуй, разбойники нападут, ограбят да злой смерти предадут. Кажись, можно теперь за его жену приняться. Возьми-ка мою коляску, поезжай в стрелецкую слободку и привези ее во дворец». Комендант поехал в стрелецкую слободку, приехал к стрельчихе-красавице, вошел в избу и говорит: «Здравствуй, умница, король приказал тебя во дворец представить». Приезжает она во дворец; король встречает ее с радостью, ведет в палаты раззолоченные и говорит таково слово: «Хочешь ли быть королевою? Я тебя замуж возьму». – «Где же это видано, где же эта слыхано: от живого мужа жену отбивать! Каков ни на есть, хоть простой стрелец, а мне он – законный муж». – «Не пойдешь охотою, возьму силою!» Красавица усмехнулась, ударилась об пол, обернулась горлицей и улетела в окно.

Много царств и земель прошел стрелец, а мячик все катится. Где река встретится, там мячик мостом перебросится; где стрельцу отдохнуть захочется, там мячик пуховой постелью раскинется. Долго ли, коротко ли – скоро сказка сказывается, не скоро дело делается, приходит стрелец к большому, великолепному дворцу; мячик докатился до ворот и пропал. Вот стрелец подумал-подумал: «Дай пойду прямо!» Вошел по лестнице в покои;

встречают его три девицы неописанной красоты: «Откуда и зачем, добрый человек, пожаловал?» – «Ах, красные девицы, не дали мне с дальнего походу отдохнуть, да начали спрашивать. Вы бы прежде меня накормили-напоили, отдохнуть положили, да тогда бы и вестей спрашивали». Они тотчас собрали на стол, посадили его, накормили-напоили и спать уложили.

Стрелец выспался, встает с мягкой постели; красные девицы несут к нему умывальницу и шитое полотенце. Он умылся ключевой водой, а полотенца не принимает. «У меня, – говорит, – своя ширинка; есть чем лицо утереть». Вынул ширинку и стал утираться. Спрашивают его красные девицы: «Добрый человек! Скажи: откуда достал ты эту ширинку?» – «Мне ее жена дала». – «Стало быть, ты женат на нашей родной сестрице!» Кликнули мать-старушку; та как глянула на ширинку, в ту ж минуту признала: «Это моей дочки рукоделье!» Начала у гостя расспрашивать-разведывать; он рассказал ей, как женился на ее дочери и как царь послал его туда – не знаю куда, принести то – не знаю что. «Ах зятюшка! Ведь про это диво даже я не слыхивала! Постой-ка, авось мои слуги ведают».

Вышла старуха на крыльцо, крикнула громким голосом, и вдруг – откуда только взялись! – набежали всякие звери, налетели всякие птицы. «Гой есте, звери лесные и птицы воздушные! Вы, звери, везде рыскаете; вы, птицы, всюду летаете: не слыхали ль, как дойти туда – не знаю куда, принести то – не знаю что?» Все звери и птицы в один голос отвечали: «Нет, мы про то не слыхивали!» Распустила их старуха по своим местам – по трущобам, по лесам, по рощам; воротилась в горницу, достала свою волшебную книгу, развернула ее – и тотчас явились к ней два великана: «Что угодно, что надобно?» – «А вот что, слуги мои верные! Понесите меня вместе с зятем на окиян-море широкое и станьте как раз на середине – на самой пучине».

Тотчас подхватили они стрельца со старухой, понесли их, словно вихри буйные, на окиян-море широкое и стали на середине – на самой пучине: сами как столбы стоят, а стрельца со старухой на руках держат. Крикнула старуха громким голосом – и приплыли к

ней все гады и рыбы морские: так и кишат! Из-за них синя моря не видно! «Гой есте, гады и рыбы морские! Вы везде плаваете, у всех островов бываете: не слышали ль, как дойти туда – не знаю куда, принести то – не знаю что?» Все гады и рыбы в один голос отвечали: «Нет! Мы про то не слыхивали!» Вдруг протеснилась вперед старая колченогая лягушка, которая уж лет тридцать как в отставке жила, и говорит: «Ква-ква! Я знаю, где этакое диво найти». – «Ну, милая, тебя-то мне и надобно!» – сказала старуха, взяла лягушку и велела великанам себя и зятя домой отнестъ.

Мигом очутились они во дворце. Стала старуха лягушку допытывать: «Как и какую дорогою моему зятю идти?» Отвечает лягушка: «Это место на краю света – далеко-далеко! Я бы сама его проводила, да уж больно стара, еле ноги волочу; мне туда в пятьдесят лет не допрыгать». Старуха принесла большую банку, налила свежим молоком, посадила в нее лягушку и дает зятю: «Неси, – говорит, – эту банку в руках, а лягушка пусть тебе дорогу показывает». Стрелец взял банку с лягушкой, попрощался со старухой и ее дочками и отправился в путь. Он идет, а лягушка ему дорогу показывает.

Близко ли, далеко ли, долго ли, коротко ли – приходит к огненной реке; за тою рекой высокая гора стоит, в той горе дверь видна. «Кваква! – говорит лягушка. – Выпусти меня из банки; надо нам через реку переправиться». Стрелец вынул ее из банки и пустил наземь. «Ну, добрый мо́лодец, садись на меня, да не желей; небось не задавишь!» Стрелец сел на лягушку и прижал ее к земле: начала лягушка дуться, дулась-дулась и сделалась такая большая, словно стог сеной. У стрельца только и на уме, как бы не свалиться: «Коли свалюсь, до смерти ушибусь!» Лягушка надулась да как прыгнет – перепрыгнула через огненную реку и сделалась опять маленькою. «Теперь, добрый мо́лодец, ступай в эту дверь, а я тебя здесь подожду; войдешь ты в пещеру и хорошенько спрячься. Спустя некое время придут туда два старца; слушай, что они будут говорить и делать, а после, как они уйдут, и сам то ж говори и делай!»

Стрелец подошел к горе, отворил дверь – в пещере так темно, хоть глаз выколи! Полез на карачках и стал руками щупать; нащупал пустой шкаф, сел в него и закрылся. Вот немного погодя приходят туда два старца и говорят: «Эй, Шмат-разум! Покорми-ка нас». В ту ж минуту – откуда что взялось! – зажглись люстры, загремели тарелки и блюда, и явились на столе разные вина и кушанья. Старики напились, наелись и приказывают: «Эй, Шмат-разум! Убери все». Вдруг ничего не стало – ни стола, ни вин, ни кушаньев, люстры все погасли. Слышит стрелец, что два старца ушли, вылез из шкапа и крикнул: «Эй, Шмат-разум!» – «Что угодно?» – «Покорми меня!» Опять явились и люстры зажженные, и стол накрытый, и всякие напитки и кушанья.

Стрелец сел за стол и говорит: «Эй, Шмат-разум! Садись, брат, со мною; станем есть-пить вместе, а то одному мне скучно». Отвечает невидимый голос: «Ах, добрый человек! Откудова тебя бог принес? Скоро тридцать лет, как я двум старцам верой-правдой служу, а за все это время они ни разу меня с собой не сажали». Смотрит стрелец и удивляется: никого не видать, а кушанья с тарелок словно кто метелочкой подметает, а бутылки с вином сами поднимаются, сами в рюмки наливаются, глядь – уж и пусты! Вот стрелец наелся-напился и говорит: «Послушай, Шмат-разум! Хочешь мне служить? У меня житье хорошее». – «Отчего не хотеть! Мне давно надоело здесь, а ты, вижу, – человек добрый». – «Ну, прибирай все да пойдем со мною!» Вышел стрелец из пещеры, оглянулся назад – нет никого... «Шмат-разум! Ты здесь?» – «Здесь! Не бойся, я от тебя не отстану». – «Ладно!» – сказал стрелец и сел на лягушку: лягушка надулась и перепрыгнула через огненную реку; он посадил ее в банку и отправился в обратный путь.

Пришел к теще и заставил своего нового слугу хорошенько угостить старуху и ее дочек. Шмат-разум так их употчевал, что старуха с радости чуть плясать не пошла, а лягушке за ее верную службу назначила по три банки молока в день давать. Стрелец распрощался с тещею и пустился домой. Шел-шел и сильно уморился; прибились его ноги скорые, опустились руки белые.

«Эх, – говорит, – Шмат-разум! Если б ты ведал, как я устал; просто ноги отымаются». – «Что ж ты мне давно не скажешь? Я б тебя живо на место доставил». Тотчас подхватило стрельца буйным вихрем и понесло по воздуху так шибко, что с головы шапка свалилась. «Эй, Шмат-разум! Пстой на минутку, моя шапка свалилась». – «Поздно, сударь, хватился! Твоя шапка теперь за пять тысяч верст назад». Города и деревни, реки и леса так и мелькают перед глазами...

Вот летит стрелец над глубоким морем, и гласит ему Шмат-разум: «Хочешь – я на этом море золотую беседку сделаю? Можно будет отдохнуть, да и счастье добыть». – «А ну, сделай!» – сказал стрелец и стал опускаться на море. Где за минуту только волны подымались – там появился островок, на островку золотая беседка. Говорит стрельцу Шмат-разум: «Садись в беседку, отдыхай, на море поглядывай; будут плыть мимо три купеческих корабля и пристанут к острову; ты зазови купцов, угости-употчевай и променяй меня на три диковинки, что купцы с собой везут. В свое время я к тебе назад вернусь!»

Смотрит стрелец – с западной стороны три корабля плывут; увидели корабельщики остров и золотую беседку: «Что за чудо! – говорят. – Сколько раз мы тут плавали, кроме воды ничего не было, а тут – на’поди! – золотая беседка явилась. Пристанемте, братцы, к берегу, поглядим-полюбоемся». Тотчас остановили корабельный ход и бросили якоря; три купца-хозяина сели на легкую лодочку и поехали на остров. «Здравствуй, добрый человек!» – «Здравствуйте, купцы чужеземные! Милости просим ко мне, погуляйте, повеселитесь, роздых возьмите: нарочно для заезжих гостей и беседка выстроена! Купцы вошли в беседку, сели на скамеечку. «Эй, Шмат-разум! – закричал стрелец. – Дай-ка нам попить-поесть». Явился стол, на столе вина и кушанья, чего душа захочет – все мигом исполнено! Купцы только ахают. «Давай, – говорят, – меняться! Ты нам своего слугу отдай, а у нас возьми за то любую диковинку». – «А какие у вас диковинки?» – «Посмотри – увидишь!»

Один купец вынул из кармана маленький ящичек, только открыл

его – тотчас по всему острову славный сад раскинулся и с цветами и с дорожками, а закрыл ящичек – и сад пропал. Другой купец вынул из-под полы топор и начал тятать: тят да ляп – вышел корабль! Тят да ляп – еще корабль! Сто разов тятнул – сто кораблей сделал, с парусами, с пушками и с матросами; корабли плывут, в пушки палят, от купца приказов спрашивают... Натешился он, спрятал свой топор – и корабли с глаз исчезли, словно их и не было! Третий купец достал рог, затрубил в один конец – тотчас войско явилось: и пехота и конница, с ружьями, с пушками, с знаменами; ото всех полков посылают к купцу рапорты, а он отдает им приказы: войска идут, музыка гремит, знамена развеваются... Натешился купец, взял трубу, затрубил с другого конца – и нет ничего, куда вся сила девалась!

«Хороши ваши диковинки, да мне не пригодны! – сказал стрелец. – Войска да корабли – дело царское, а я простой солдат. Коли хотите со мной поменяться, так отдайте мне за одного слугу-невидимку все три диковинки». – «Не много ли будет?» – «Ну как знаете; а я иначе меняться не стану!» Купцы подумали про себя: «На что нам этот сад, эти полки и военные корабли? Лучше поменяться; по крайней мере без всякой заботы будем и сыты и пьяны». Отдали стрельцу свои диковинки и говорят: «Эй, Шмат-разум! Мы тебя берем с собою; будешь ли нам служить верой-правдою?» – «Отчего не служить? Мне все равно – у кого ни жить». Воротились купцы на свои корабли и давай всех корабельщиков поить-угощать: «Ну-ка, Шмат-разум, поворачивайся!»

Перепились все допьяна и заснули крепким сном. А стрелец сидит в золотой беседке, призадумался и говорит: «Эх, жалко! Где-то теперь мой верный слуга Шмат-разум?» – «Я здесь, господин!» Стрелец обрадовался: «Не пора ли нам домой?» Только сказал, как вдруг подхватило его буйным вихрем и понесло по воздуху. Купцы проснулись, и захотелось им выпить с похмелья: «Эй, Шмат-разум, дай-ка нам опохмелиться!» Никто не отзывается, никто не прислуживает. Сколько ни кричали, сколько ни приказывали – нет ни на грош толку. «Ну, господа! Надул нас

этот маклак^[2]. Теперь черт его найдет! И остров пропал и золотая беседка сгнула». Погоревали-погоревали купцы, подняли паруса и отправились куда им было надобно.

Быстро прилетел стрелец в свое государство, опустился возле синего моря на пустом месте. «Эй, Шмат-разум! Нельзя ли здесь дворец выстроить?» – «Отчего нельзя! Сейчас готов будет». Вмиг дворец поспел, да такой славный, что и сказать нельзя: вдвое лучше королевского. Стрелец открыл ящичек, и кругом дворца сад явился с редкими деревьями и цветами. Вот сидит стрелец у открытого окна да на свой сад любуется – вдруг влетела в окно горлица, ударилась оземь и оборотилась его молодой женою. Обнялись они, поздоровались, стали друг друга расспрашивать, друг другу рассказывать. Говорит стрельцу жена: «С той самой поры, как ты из дому ушел, я все время по лесам да по рощам сирой горлинкой летала».

На другой день поутру вышел король на балкон, глянул на синее море и видит – на самом берегу стоит новый дворец, а кругом дворца зеленый сад. «Какой это невежа вздумал без спросу на моей земле строиться?» Побежали гонцы, разведали и докладывают, что дворец тот стрельцом поставлен, и живет во дворце он сам, и жена при нем. Король пуще разгневался, приказал собрать войско и идти на взморье, сад дотла разорить, дворец на мелкие части разбить, а самого стрельца и его жену лютой смерти предать. Усмотрел стрелец, что идет на него сильное войско королевское, схватил поскорей топор, тят да ляп – вышел корабль! Сто разов тятнул – сто кораблей сделал. Потом вынул рог, затрубил раз – повалила пехота, затрубил в другой – повалила конница.

Бегут к нему начальники из полков, с кораблей и ждут приказы. Стрелец приказал начинать сражение; тотчас заиграла музыка, ударили в барабаны, полки двинулись; пехота ломит королевских солдат, конница догоняет, в плен забирает, а с кораблей по столичному городу так и жарят пушками. Король видит, что его армия бежит, бросился было сам войско останавливать – да куда!

Не прошло и полчаса, как его самого убили. Когда кончилось сражение, собрался народ и начал стрельца просить, чтобы взял в свои руки все государство. Он на то согласился и сделался королем, а жена его королевою.

---

[1] – Мешок (Ред.).

[2] – Бессовестный человек, попрошайка.

(Голосов: **10**. Рейтинг: **4,00** из 5)

Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Волшебное зеркальце

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был купец-вдовец; у него были сын, да дочь, да родной брат... В одно время

собирается этот купец в чужие земли ехать, разные товары закупать, берёт с собой сына, а дома оставляет дочку; призывает он своего брата и говорит ему:

– Препоручаю тебе, любезный братец, весь мой дом и хозяйство и усердно прошу: присматривай поостороже за моей дочкою, учи её грамоте, а баловать не позволяй!

После того простился купец с братом и с дочерью и отправился в путь. А купеческая дочь была уж на возрасте и такой красоты неописанной, что хоть целый свет изойди, а другой подобной не сыщешь! Пришла дяде нечистая дума в голову, не даёт ему ни днём, ни ночью покоя, стал он приставать к красной девице.

– Или, – говорит, – грех со мной сотвори, или тебе на свете не жить; и сам пропаду и тебя убью!..

□Пошла как-то девица в баню, дядя за нею – только в дверь, она хватить полный таз кипятку и окатила его с головы до ног. Три недели провалялся он, еле выздоровел; страшная ненависть грызёт ему сердце, и начал он думать: как бы отсмеять эту насмешку? Думал-думал, взял да и написал к своему брату письмо: твоя-де дочь худыми делами занимается, по чужим дворам таскается, дома не ночует и меня не слушает. Получил купец это письмо, прочитал и сильно разгневался; говорит сыну:

– Вот твоя сестра весь дом опозорила! Не хочу ж её миловать: поезжай сию минуту назад, изруби негодницу на мелкие части и на этом ноже привези её сердце. Пусть добрые люди не смеются с нашего рода-племени!

□Сын взял острый нож и поехал домой; приехал в свой родной город потихоньку, никому не сказываясь, и начал по сторонам разведывать: как живёт такая-то купеческая дочь? Все в один голос хвалят её – не нахвалятся: и тиха-то, и скромна, и бога знает, и добрых людей слушается. Разузнавши всё, пошёл он к своей сестрице; та обрадовалась, кинулась к нему навстречу, обнимает, целует:

– Милый братец! Как тебя господь принёс? Что наш родимый батюшка?

– Ах, милая сестрица, не спеши радоваться. Не к добру мой приезд: меня прислал батюшка, приказал твоё белое тело изрубить на мелкие части, сердце твоё вынуть да на этом ноже к нему доставить.

□Сестра заплакала.

– Боже мой, – говорит, – за что такая немилость?

– А вот за что! – отвечал брат и рассказал ей о дядином письме.

– Ах, братец, я ни в чём не виновна!

Купеческий сын выслушал, как и что случилось, и говорит:

– Не плачь, сестрица! Я сам знаю, что ты не виновна, и хоть батюшка не велел принимать никаких оправданий, а все-таки казнить тебя не хочу. Лучше соберись ты и ступай из отцовского дома куды глаза глядят; бог тебя не оставит!

Купеческая дочь не стала долго думать, собралась в дорогу, простилась с братцем и пошла, куда – и сама не ведает. А её брат убил дворовую собаку, вынул сердце, нацепил на острый нож и повёз к отцу. Отдаёт ему собачье сердце:

– Так и так, – говорит, – по твоему родительскому приказанию казнил сестрицу.

– А ну её! Собаке собачья и смерть! – отвечал отец.

□Долго ли, коротко ли блуждала красная девица по белому свету, наконец зашла в частый, дремучий лес: из-за высоких деревьев чуть-чуть небо видно. Стала она ходить по этому лесу и случайно вышла на широкую поляну; на этой поляне – белокаменный дворец, кругом дворца железная решётка. «Дай-ка, – думает девица, – зайду я в этот дворец, не все же злые люди,

авось худа не будет!» Входит она в палаты – в палатах нет ни души человеческой; хотела было назад поворотить – вдруг прискакали на двор два сильномогучие богатыря, вошли во дворец, увидели девицу и говорят:

– Здравствуй, красавица!

– Здравствуйте, честны́е витязи!

– Вот, брат, – сказал один богатырь другому, – мы с тобой тужили, что у нас хозяйничать некому; а бог нам сестрицу послал.

Оставили богатыри купеческую дочь у себя жить, назвали родною сестрицею, отдали ей ключи и сделали надо всем домом хозяйкою; потом вынули острые сабли, уперли друг дружке в грудь и положили такой уговор: «Если кто из нас посмеет на сестру посягнуть, то не щадя изрубить его этою самою саблею».

□Вот живёт красная девица у двух богатырей; а отец её закупил заморских товаров, воротился домой и немного погодя женился на другой жене. Была эта купчиха красоты неописанной и имела у себя волшебное зеркальце; загляни в зеркальце – тотчас узнаешь, где что делается. Раз как-то собрались богатыри на охоту и наказывают своей сестрице:

– Смотри же, до нашего приезде никого к себе не пущай!

Попрощались с нею и уехали. В это самое время заглянула купчиха в зеркальце, любуется своей красотой и говорит:

– Нет меня в свете прекраснее!

А зеркальце в ответ:

– Ты хороша – спору нет! А есть у тебя падчерица, живёт у двух богатырей в дремучем лесу, – та ещё прекраснее!

□Не полюбились эти речи мачехе, тотчас позвала к себе злую старушонку.

– На, – говорит, – тебе колечко; ступай в дремучий лес, в том лесу есть белокаменный дворец, во дворце живёт моя падчерица; поклонись ей и отдай это колечко – скажи: братец на память прислал!

Старуха взяла кольцо и отправилась, куда ей сказано; приходит к белокаменному дворцу, увидела её красная девица, выбежала навстречу – захотелось, значит, вестей попытать с родной стороны.

– Здравствуй, бабушка! Как тебя господь занёс? Все ли живы-здоровы?

– Живут, хлеб жуют! Вот братец просил меня про твоё здоровье проведать да прислал в подарок колечко; на, красуйся!

Девица так рада, так рада, что и рассказать нельзя; привела старуху в комнаты, угостила всякими закусками да напитками и наказала своему брату родному низко кланяться. Через час времени старуха поплелась назад, а девица стала любоваться колечком и вздумала надеть его на пальчик; надела – и в ту ж минуту упала мёртвая.

□Приезжают два богатыря, входят в палаты – сестрица не встречает: что такое? Заглянули к ней в спальню; а она лежит мёртвая, словечка не молвит. Взгоревались богатыри: что всего краше было, то нежданно-негаданно смерть взяла! «Надо, – говорят, – убрать её в новые наряды да в гроб положить». Стали убирать, и заметил один на руке у красной девицы колечко: «Неужели так её и похоронить с этим колечком? Дай лучше сниму, на память оставлю». Только снял колечко – и красная девица тотчас открыла очи, вздохнула и ожила.

– Что с тобой случилось, сестрица? Не заходил ли кто к тебе? – спрашивают богатыри.

– Заходила с родной стороны знакомая старушка и колечко принесла.

– Ах, какая же ты непослушная! Ведь мы недаром тебе наказывали, чтоб никого без нас в дом не пускала. Смотри, в другой раз того не сделай!

□Спустя несколько времени заглянула купчиха в своё зеркальце и узнала, что её падчерица по-прежнему жива и прекрасна; позвала старуху, даёт ей ленточку и говорит:

– Ступай к белокаменному дворцу, где живёт моя падчерица, и отдай ей этот гостинец; скажи: братец прислал!

Опять пришла старуха к красной девице, наговорила ей с три короба разных разностей и отдала ленточку. Девица обрадовалась, повязала ленточку на шею – и в ту же минуту упала на постель мёртвою. Приезжают богатыри с охоты, смотрят – сестрица лежит мёртвая, стали убирать её в новые наряды и только сняли ленточку – как она тут же открыла очи, вздохнула и ожила.

– Что с тобой, сестрица? Али опять старуха была?

– Да, – говорит, – приходила старушка с родной стороны, мне ленточку принесла.

– Ах, какая ты! Ведь мы ж тебя просили: никого без нас не прймай!

– Простите, милые братцы! Не вытерпела, хотелось из дому вестей послушать.

□Прошло ещё несколько дней – заглянула купчиха в зеркальце: опять жива её падчерица. Позвала старуху.

– На, – говорит, – волосок! Ступай к падчерице, непременно умори её!

Улучила старуха время, когда богатыри на охоту поехали, пришла к белокаменному дворцу; увидала её в окошечко красная девица, не вытерпела, выскочила к ней навстречу:

– Здравствуй, бабушка! Как тебя бог милует?

– Покуда жива, голубушка! Вот таскалась по миру и сюда забрела тебя проведать.

Привела её красная девица в комнату, угостила всякими закусками и напитками, расспросила про родных и наказала кланяться брату.

– Хорошо, – говорит старуха, – буду кланяться. А ведь тебе, голубушка, чай и в голове поискать некому? Дай-ка я поищу.

– Поищи, бабушка!

Стала она искать в голове красной девицы и вплела в её косу волшебный волосок; как скоро вплела этот волосок, девица в ту же минуту сделалась мёртвою. Старуха зло усмехнулась и ушла поскорей, чтобы никто не застал её, не увидел.

□Приезжают богатыри, входят в комнаты – сестра лежит мёртвая; долго они вглядывались-присматривались, нет ли на ней чего лишнего? Нет, ничего не видать! Вот сделали они хрустальный гроб – такой чудный, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать; нарядили купеческую дочь в блестящее платье, словно невесту к венцу, и положили в хрустальный гроб; тот гроб поставили посерёд большой палаты, а над ним устроили балдахин красного бархату с бриллиантовыми кистями с золотыми бахромами, и повесили на двенадцати хрустальных столбах двенадцать лампад. После того залились богатыри горячими слезами; обуяла их великая тоска. «На что, – говорят, – нам на белом свете жить? Пойдём, решим себя!» Обнялись, попрощались друг с дружкой, вышли на высокий балкон, взялись за руки и бросились вниз; ударились об острые камни и кончили свою жизнь.

□Много-много годов прошло. Случилось одному царевичу на охоте быть; заехал он в дремучий лес, распустил своих собак в разные стороны, отделился от охотников и поехал один по заглохшей тропинке. Ехал-ехал, и вот перед ним поляна, на поляне

белокаменный дворец. Царевич слез с коня, взошёл по лестнице, стал покои осматривать; везде уборы богатые, роскошные, а хозяйской руки ни на чём не видно: всё давным-давно покинуто, всё запущено! В одной палате стоит хрустальный гроб, а в гробу лежит мёртвая девица красоты неописанной: на щеках румянец, на устах улыбка, точь-в-точь живая спит.

□ Подошёл царевич, взглянул на девицу, да так и остался на месте, словно невидимая сила его держит. Стоит он с утра до позднего вечера, глаз отвести не может, на сердце тревога: приковала его краса девичья – чудная, невиданная, какой во всем свете другой не сыскать! А охотники давно его ищут; уж они по́ лесу рыскали, и в трубы трубили, и голоса подавали – царевич стоит у хрустального гроба, ничего не слышит. Солнце село, сгустился мрак, и тут только он опомнился – поцеловал мёртвую девицу и поехал назад.

– Ах, ваше высочество, где вы были? – спрашивают охотники.

– Гнался за зверем, да немного заплутал.

На другой день чуть свет – царевич уж на охоту собирается; поскакал в лес, отделился от охотников и тою же тропинкою приехал к белокаменному дворцу. Опять целый день простоял у хрустального гроба, глаз не сводя с мёртвой красавицы; только поздней ночью домой воротился. На третий день, на четвёртый всё то же, и так целая неделя прошла. «Что это с нашим царевичем подеялось? – говорят охотники. – Станемте, братцы, за ним следить, замечать, чтобы худа какого не случилось».

□ Вот поехал царевич на охоту, распустил собак по́ лесу, отделился от свиты и направил путь к белокаменному дворцу; охотники тотчас же за ним, приезжают на поляну, входят во дворец – там в палате хрустальный гроб, в гробу мёртвая девица лежит, перед девицей царевич стоит.

– Ну, ваше высочество, недаром вы целую неделю по́ лесу плутали! Теперь и нам не уйтись отсюда до вечера.

Обступили кругом хрустальный гроб, смотрят на девицу, красотой её любуются, и простояли на одном месте с утра до позднего вечера. Когда потемнело совсем, обратился царевич к охотникам:

– Сослужите мне, братцы, великую службу: возьмите гроб с мёртвой девицей привезите и поставьте в моей спальне; да тихомолком, тайно сделайте, чтоб никто про то не узнал, не проведал. Награжу вас всячески, пожалуй золотой казною, как никто вас не жаловал.

– Твоя воля жаловать; а мы, царевич, и так служить тебе рады!

– сказали охотники, подняли хрустальный гроб, вынесли на двор, устроили на лошадях и повезли в царский дворец; привезли и поставили у царевича в спальне.

□С того самого дня перестал царевич и думать об охоте; сидит себе дома, никуда из своей комнаты не выходит – всё на девицу любит. «Что такое с нашим сыном приключилось? – думает царица. – Вот уж сколько времени, а он всё дома сидит, из своей комнаты не выходит и к себе никого не пускает. Грусть-тоска, что ли, напала, али хворь какая прикинулась? Дай пойду посмотрю на него». Входит царица к нему в спальню и видит хрустальный гроб. Как и что? Расспросила-разведала и тотчас же приказ отдала похоронить ту девицу, как следует по обычаю, в мать сырой земле.

□Заплакал царевич, пошёл в сад, нарвал чудесных цветов, принёс и стал расчёсывать мёртвой красавице русую косу да цветами голову убирать. Вдруг выпал из её косы волшебный волосок – красавица раскрыла очи, вздохнула, приподнялась из хрустального гроба и говорит:

– Ах, как я долго спала!

Царевич несказанно обрадовался, взял её за руку, повёл к отцу, к матери.

– Мне, – говорит, – бог её дал! Не могу жить без неё ни единой минуты. Позволь, родимый батюшка, и ты, родная матушка,

допусти жениться.

– Женись, сынок! Против бога не пойдём, да и такой красоты во всём свете поискать!

У царей ни за чем остановок не бывает: в тот же день честным пирком да и за свадебку.

□Женился царевич на купеческой дочери, живёт с нею – не нарадуется. Прошло сколько-то времени – вздумалось ей поехать в свою сторону, отца с братцем навестить; царевич не прочь, стал у отца проситься.

– Хорошо, – говорит царь, – поезжайте, дети мои любезные! Ты, царевич, отправляйся сухим путём в объезд, осмотри этим случаем все наши земли и порядки узнай, а жена твоя пусть на корабле плывёт прямым путём.

Вот изготовили корабль к походу, нарядили матросов, назначили начального генерала; царевна села на корабль и вышла в открытое море, а царевич поехал сухим путём.

□Начальный генерал, видючи прекрасную царевну, позавидовал её красоте и начал к ней подольщаться; чего бояться, думает, – ведь она теперь в моих руках, что хочу – то и делаю!

– Полюби меня, – говорит он царевне, – коли не полюбишь – в море выброшу!

Царевна отвернулась, не даёт ему ответу, только слезами заливаётся. Подслушал генеральские речи один матросик, пришёл к царевне вечером и стал говорить:

– Не плачь, царевна! Одевайся ты в моё платье, а я твоё надену; ты ступай на палубу, а я в каюте остануся. Пусть генерал меня в море выбросит – я того не боюсь; авось справлюсь, доплыву до пристани: благо теперь земля близко!

Поменялись они платьем; царевна пошла на палубу, а матрос лёг на её постель. Ночью явился в каюту начальный генерал, схватил

матроса и выкинул в море. Матрос пустился вплавь и к утру добрался до берега. Корабль пришёл к пристани, стали матросы сходить на землю; сошла и царица, бросилась на рынок, купила себе поварскую одежду, нарядилась поварёнком и нанялась к своему родному отцу на кухне прислуживать.

□ Немного спустя приезжает к купцу царевич.

– Здравствуй, – говорит, – батюшка! Принимай-ка зятя, ведь я на твоей дочке женат. Да где ж она? Аль ещё не бывала?

А тут начальный генерал с докладом является:

– Так и так, ваше высочество! Несчастье случилось: стояла царица на палубе, поднялась буря, началась качка, голова у ней закружилась – и мигнуть не успели, как царица свалилась в море и потонула!

Царевич потужил-поплакал, да ведь со дна моря не воротить; видно, такова судьба ей назначена! Погостил царевич у своего тестя несколько времени и велел своей свите к отъезду готовиться; купец на прощанье задал большой пир; собрались к нему и купцы, и бояре, и все сродники: были тут и родной брат его, и злая старуха, и начальный генерал.

□ Пили, ели, прохлаждались; один из гостей и говорит:

– Послушайте, господа честные! Что всё пить да пить – с того добру не быть; давайте-ка лучше сказывать сказки.

– Ладно, ладно! – закричали со всех сторон. – Кто же начнёт?

Тот не умеет, другой не горазд, а третьему вино память отшибло. Как быть? Отозвался тут купеческий приказчик:

– Есть у нас на кухне новый поварёнок, много по чужим землям странствовал, много всяких див видывал и такой мастер сказки сказывать – что на́поди!

Купец позвал того поварёнка.

– Потешь, – говорит, – моих гостей!

Отвечает ему поварёнок-царевна:

– Что рассказать-то вам: сказку аль бывальщину?

– Сказывай бывальщину!

– Пожалуй, можно и бывальщину, только с таким уговором: кто меня перебьёт, того чумичкой^[1] в лоб.

□Все на это согласились. И царевна начала рассказывать всё, что с нею самой случилось.

– Так и этак, – говорит, – была у купца дочь; поехал купец за́ море и поручил своему родному брату смотреть за девицей; дядя позарился на её красоту и не даёт ей ни минуты покою...

А дядя слышит, что речь про него идет, и говорит:

– Это, господа, неправда!

– А, по-твоему неправда? Вот же тебе чумичка в лоб!

После того дошло дело до мачехи, как она волшебное зеркальце допрашивала, и до злой старухи, как она к богатырям в белокаменный дворец приходила, – и старуха и мачеха в один голос закричали:

– Вот вздор какой! Этого быть не может.

Царевна ударила их по лбу чумичкою и стала рассказывать, как она лежала в хрустальном гробе, как нашёл её царевич, оживил и женился на ней и как она поехала отца навестить.

□Генерал смекнул, что дело-то не ладно, и просится у царевича:

– Позвольте мне домой уйти; что-то голова разболелась!

– Ничего, посиди немножко!

Стала царевна про генерала рассказывать; ну, и он не вытерпел.

– Всё это, – говорит, – неправда!

Царевна его чумичкою в лоб да сбросила с себя поварское платье и открылась царевичу:

– Я-де не поварёнок, я – твоя законная жена!

Царевич обрадовался, купец – тоже; бросились они обнимать, целовать её; а потом принялись суд судить; злую старуху вместе с дядею на воротах расстреляли, мачеху-волшебницу к жеребцу за хвост привязали, жеребец полетел в чистое поле и разнес её кости по кустам, по яругам^[2]; генерала царевич сослал на каторгу, а на его место пожаловал матроса, что царевну от беды спас. С того времени жили царевич, его жена и купец вместе – долго и счастливо.

---

[1] – Чюмич, чюмичка – металлическая или деревянная поварская ложка с длинной ручкой.

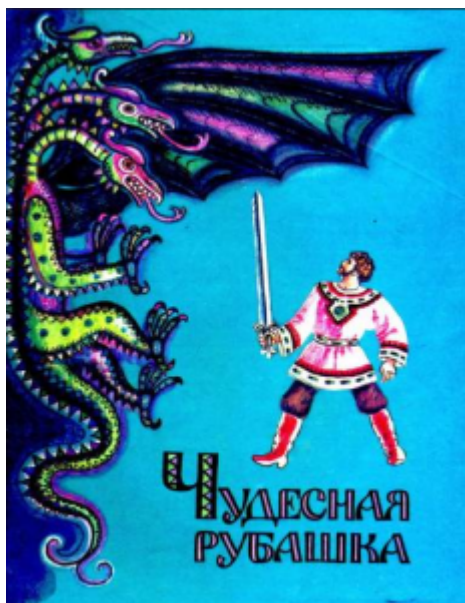
[2] – Яруги – овраги, лощины, буераки (Ред.).

(Голосов: **10**. Рейтинг: **4,00** из 5)

Загрузка...

**Русские народные сказки. А.
Н. Афанасьев. Чудесная
рубашка**

В некотором царстве жил богатый купец; помер купец и оставил трёх сыновей на возрасте. Старшие два каждый день ходили охотничать. В одно время выпросили они у матери и младшего брата, Ивана, на охоту, завели его в дремучий лес и оставили там – с тем чтобы всё отцовское имение разделить меж собой на две части, а его лишить наследства. Иван купеческий сын долгое время бродил по лесу, питаясь ягодами да кореньями; наконец выбрался на прекрасную равнину и на той равнине увидал дом. Вошёл в комнаты, ходил-ходил – нет никого, везде пусто; только в одной комнате стол накрыт на три прибора, на тарелках лежат три хлеба, перед каждым прибором по бутылке с вином поставлено. Иван купеческий сын откусил от каждого хлеба по малому кусочку, съел и потом из всех трёх бутылок отпил понемножку и спрятался за дверь.

□Вдруг прилетает орёл, ударился о землю и сделался молодцем; за ним прилетает сокол, за соколом воробей – ударились о землю и оборотились тоже добрыми молодцами. Сели за стол кушать.

– А ведь хлеб да вино у нас початы! – говорит орёл.

– И то правда, – отвечает сокол, – видно, кто-нибудь к нам в гости пожаловал.

Стали гостя искать-вызывать. Говорит орёл:

– Покажись-ка нам! Коли ты старый старичок – будешь нам родной батюшка, коли добрый мо́лодец – будешь родной братец, коли ты старушка – будешь мать родная, а коли красная девица – назовём тебя родной сестрицею.

Иван купеческий сын вышел из-за двери; они его ласково приняли и называли своим братцем.

□На другой день стал орёл просить Ивана купеческого сына:

– Сослужи нам службу – останься здесь и ровно через год в этот самый день собери на стол.

– Хорошо, – отвечает купеческий сын, – будет исполнено.

Отдал ему орёл ключи, позволил везде ходить, на всё смотреть, только одного ключа, что на стене висел, брать не велел. После того обратились добрые мо́лодцы птицами – орлом, соколом и воробьём – и улетели.

□Иван купеческий сын ходил однажды по двору и усмотрел в земле дверь за крепким замком; захотелось туда заглянуть, стал ключи пробовать – ни один не приходится; побежал в комнаты, снял со стены запретный ключ, отпёр замок и отворил дверь. В подземелье богатырский конь стоит – во всём убранстве, по обеим сторонам седла две сумки привешены: в одной – золото, в другой – самоцветные камни. Начал он коня гладить; богатырский конь ударил его копытом в грудь и вышиб из подземелья на целую сажень. От того Иван купеческий сын спал беспробудно до того самого дня, в который должны прилететь его названные братья. Как только проснулся, запер он дверь, ключ на старое место повесил и накрыл стол на три прибора.

□Вот прилетели орёл, сокол и воробей, ударились о землю и сделались добрыми мо́лодцами, поздоровались и сели обедать. На другой день начал просить Ивана купеческого сына сокол: сослужи-де службу ещё один год! Иван купеческий сын согласился. Братья улетели, а он опять пошёл по двору, увидал в земле другую дверь, отпёр её тем же ключом. В подземелье

богатырский конь стоит – во всём убранстве, по обеим сторонам седла сумки прицеплены: в одной – золото, в другой – самоцветные камни. Начал он коня гладить; богатырский конь ударил его копытом в грудь и вышиб из подземелья на целую сажень. От того Иван купеческий сын спал беспробудно столько же времени, как и прежде; проснулся в тот самый день, когда братья должны прилететь, запер дверь, ключ на стену повесил и приготовил стол.

□ Прилетают орёл, сокол и воробей; ударились о землю, поздоровались и сели обедать. На другой день поутру начал воробей просить Ивана купеческого сына: сослужи-де службу ещё один год! Он согласился. Братья обратились птицами и улетели. Иван купеческий сын прожил целый год один-одинёхонек, и когда наступил урочный день – накрыл стол и дожидает братьев. Братья прилетели, ударились о землю и сделались добрыми молодцами; вошли, поздоровались и пообедали. После обеда говорит старший брат, орёл:

– Спасибо тебе, купеческий сын, за твою службу; вот тебе богатырский конь – дарю со всею сбруею, и с золотом, и с камнями самоцветными.

Середний брат, сокол, подарил ему другого богатырского коня, а меньший брат, воробей, – рубашку.

– Возьми, – говорит, – эту рубашку пуля не берёт; коли наденешь её – никто тебя не осилит!

□ Иван купеческий сын надел ту рубашку, сел на богатырского коня и поехал сватать за себя Елену Прекрасную; а об ней было по всему свету объявлено: кто победит Змея Горыныча, за того ей замуж идти. Иван купеческий сын напал на Змея Горыныча, победил его и уж собирался зацемить ему голову в дубовый пень, да Змей Горыныч начал слёзно молить-просить:

– Не бей меня до смерти, возьми к себе в услужение; буду тебе верный слуга!

Иван купеческий сын сжалился, взял его с собою, привёз к Елене Прекрасной и немного погодя женился на ней, а Змея Горыныча сделал поваром.

□Раз уехал купеческий сын на охоту, а Змей Горыныч обольстил Елену Прекрасную и приказал ей разведать, отчего Иван купеческий сын так мудр и силен? Змей Горыныч сварил крепкого зелья, а Елена Прекрасная напоила тем зельем своего мужа и стала выпрашивать:

– Скажи, Иван купеческий сын, где твоя мудрость?

– На кухне, в венике.

Елена Прекрасная взяла этот веник, изукрасила разными цветами и положила на видное место. Иван купеческий сын, воротясь с охоты, увидал веник и спрашивает:

– Зачем этот веник изукрасила?

– А затем, – говорит Елена Прекрасная, – что в нём твоя мудрость и сила скрываются.

– Ах, как же ты глупа! Разве может моя сила и мудрость быть в венике?

□Елена Прекрасная опять напоила его крепким зельем и спрашивает:

– Скажи, милый, где твоя мудрость?

– У быка в рогах.

Она приказала вызолотить быку рога. На другой день Иван купеческий сын, воротясь с охоты, увидал быка и спрашивает:

– Что это значит? Зачем рога вызолочены?

– А затем, – отвечает Елена Прекрасная, – что тут твоя сила и мудрость скрываются.

– Ах, как же ты глупа! Разве может моя сила и мудрость быть в рогах?

Елена Прекрасная напоила мужа крепким зельем и безотвязно стала его выпрашивать:

– Скажи, милый, где твоя мудрость, где твоя сила?

Иван купеческий сын выдал ей тайну:

– Моя сила и мудрость вот в этой рубашке.

После того опьянел и уснул; Елена Прекрасная сняла с него рубашку, изрубила его в мелкие куски и приказала выбросить в чистое поле, а сама стала жить с Змеем Горынычем.

□Трое суток лежало тело Ивана купеческого сына по чисту полю разбросано; уж вороны слетелись клевать его. На ту пору пролетали мимо орёл, сокол и воробей, увидели мёртвого брата и решились помочь ему. Тотчас бросился сокол вниз, убил с налёту воронёнка и сказал старому ворону:

– Принеси скорее мёртвой и живой воды!

Ворон полетел и принес мёртвой и живой воды. Орёл, сокол и воробей сложили тело Ивана купеческого сына, спрыснули сперва мёртвою водою, а потом живою. Иван купеческий сын встал, поблагодарил их; они дали ему золотой перстень. Только что Иван купеческий сын надел перстень на руку, как тотчас оборотился конём и побежал на двор Елены Прекрасной. Змей Горыныч узнал его, приказал поймать этого коня, поставить в конюшню и на другой день поутру отрубить ему голову.

□При Елене Прекрасной была служанка; жаль ей стало такого славного коня, пошла в конюшню, сама горько плачет и приговаривает:

– Ах, бедный конь, тебя завтра казнить будут.

Провещал ей конь человеческим голосом:

– Приходи завтра, красная девица, на место казни, и как брызгнет кровь моя наземь – заступи её своей ножкою; после собери эту кровь вместе с землёю и разбросай кругом дворца.

Поутру повели коня казнить; отрубили ему голову, кровь брызгнула – красная девица заступила её своей ножкою, а после собрала вместе с землёю и разбросала кругом дворца; в тот же день выросли кругом дворца славные садовые деревья. Змей Горыныч отдал приказ вырубить эти деревья и сжечь всё до единого. Служанка заплакала и пошла в сад в последний раз погулять-полюбоваться. Провещало ей одно дерево человеческим голосом:

– Послушай, красная девица! Как станут сад рубить, ты возьми одну щепочку и брось в озеро.

Она так и сделала, бросила щепочку в озеро – щепочка оборотилась золотым селезнем и поплыла по воде.

□ Пришел на то озеро Змей Горыныч – вздумал поохотничать, увидел золотого селезня.

– Дай, – думает, – живьём поймаю!

Снял с себя чудесную рубашку, что Ивану купеческому сыну воробей подарил, и бросился в озеро. А селезень всё дальше, дальше, завёл Змея Горыныча вглубь, вспорхнул – и на берег, оборотился добрым молодцем, надел рубашку и убил змея. После того пришёл Иван купеческий сын во дворец, Елену Прекрасную расстрелял, а на её служанке женился и стал с нею жить-поживать, добра наживать.

☒ ☒ ☒ ☒ ☒ (Голосов: **10**. Рейтинг: **4,00** из 5)

☒ Загрузка...